
Александр ВИННИЧУК

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

Повесть

— Надо уходить, — нервно закричал генерал, ступив на крутую лестницу, ведущую в душный, пропахший потом и табаком подвал, где столпились люди. Они стояли вокруг импровизированной ставки из нескольких пластиковых кресел и круглого стола с разложенными на нем географическими картами. За ним сидели четверо: полковник Гуадама Седрисиласси, его сын Мутаазим, министр информации, сузившейся до размера двух городов великой некогда Нумидии Идрис, Салам ибн Али и седой, увешанный орденами генерал-майор Мустафа аль-Джалал, главный стратег в штабе опального полковника. С улицы доносились выстрелы, но не близко, а в нескольких кварталах — там, где проходила граница между уже отвоеванными мятежниками районами и районами, за которые сражались сторонники великой и неделимой Нумидии, апологеты зеленого, размером два к одному, изрядно продырявленного от непрекращающихся почти полгода натовских авиаударов флага. Такой же, но без единого разрыва висел на стене тесного подвала, где располагался главный нумийский матхаб. На нем, в левом верхнем углу, наполовину отклеившись, был прикреплен скотчем портрет Седрисиласси, тот самый, с фотографией замученного до смерти революционера на пиджаке.

— Собаке — собачья смерть! — кричал молодой боец. Он не отпускал ставший горячим курок дымящегося «калашниковца», стреляя без разбору по своим и чужим, но чаще в воздух.

— Там еще трое на третьем этаже, вон видишь, — драл горло командир небольшого отряда, который на этот раз получил приказ отправляться на передовую. За ним, в спокойствии тыла, располагаясь «клином», находились еще три вооруженных до зубов, озлобленных до крайности, измотанных от постоянных боев подразделения. Вдруг из окна, на которое он показывал, спрыгнул человек, не прекращая стрелять. Его, последнего оставшегося в живых защитника квартала Синих Фонарей, изрешетили некогда произведенные на русских заводах, но ставшие плотью от плоти неотделимыми от нумийской революции пули. Приплетший «собаку» что-то шепнул низким грудным голосом, но его сразу осадил средних лет боец, стоявший по правую руку:

— Война не место для разговоров, стреляй, но рта не разевай!

Отряд двинулся вперед.

— Надо уходить, — повторил генерал, ступив на пыльный каменный пол. Его движения отличались нервной резкостью.

— Хорошо, — сказал Мутаазим, добавив не слышанные никем слова так же спутанно, как до того двигался по ступеням генерал. Стоявшие в подвале посмотрели на Седрисиласси, ожидая, что именно сейчас он раз и навсегда покончит с не-

Александр Александрович Винничук родился в Ростове-на-Дону в 1990 году. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Журнал поэтов», «Контрабанда», «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), газете «Донской писатель» (Ростов-на-Дону) и др. Автор поэтического сборника «Серендипити».

определенностью и найдет выход из смертельного тупика, но полковник молчал, потягивая толстую сигарету с выцветшей серебристой надписью. Прожужжала муха, спикировав точно на пятно лица на прикрепленном к флагу портрете. Сержант, стоящий к зеленому полотнищу ближе всех, сделал характерное движение рукой, желая прихлопнуть насекомое, да так шумно и агрессивно, словно бил не муху, а своего лютого врага. Вдалеке просвистела бомба, но бойцы оставили крылатую дуру без внимания. Седрисиласси рассмеялся. Сил у него, уставшего от командования огромной и кое-как подготовленной, наполовину собранной из резервистов и добровольцев армией, осталось немного, поэтому и смешок вышел вялым, но, вторя болезненной усталости его смеха, подвал разразился нервным лаем: так скулят волки, пойманные в паутину капканов.

— Мухи они и умрут так же, — сказал Седрисиласси голосом еще более низким, чем говорил обычно. — Ничего не поделаеть, сегодня мы отстаем, но наша сила именно в том, чтобы никогда не сдаваться. Пусть враги видят наши спины, но не трусость или смирение. За свободную Нумидию и ее народ! — Полковник поднял исхудавшие жилистые руки со сжатыми в кулак пальцами, обнажив правую ладонь. Другой рукой он обхватил ее большим пальцем снизу и четырьмя сверху, будто ловил вражеский самолет. Автоматные очереди стали раздаваться все ближе, все отчетливей. Вдруг стены содрогнулись; так же как и стол, на который упала загорелая рука, смяв краешек карты города, разрезанной на две несимметричные части росчерком толстого карандаша. Те, кто стоял, свесившись над столом, машинально бросились закрывать Седрисиласси от удара стального купола радиоуправляемой ракеты. Те же, кто занял место возле облупившихся стен, закрыли головы руками, хотя звуковая вибрация уже затихла.

— Надо уходить, — еще настойчивей повторил генерал, глотнув спертый, полный сигаретного дыма воздух подвала позже остальных.

— Давайте помолимся за наши души и мир, который наступит на земле наших с вами праотцов, — сказал Седрисиласси взволнованным голосом, переходящим в шепот. Он говорил дергано, сделав значительную паузу после слова «мир». Опустив голову, полковник заладил молитву. Она полилась спокойным ручейком, не так звонко, как поют в горах весенние ключи, а ниже по тону, так, что даже сидевшие к Седрисиласси вплотную не слышали, о чем он молится.

Ночью Седрисиласси плохо спал. Его покой постоянно прерывался аккомпанементом из артобстрелов и отдаленной пулеметной стрельбы. Свистели бомбы, летящие с разгневанных небес. Когда он более-менее глубоко уснул, уткнувшись в горячую подушку — может быть, благодаря таблетке снотворного, — ему снились слепые, которых вели по широкой, залитой весенним солнцем улице. Он ненадолго увидел лицо жены — но в дымке, как это обычно бывает в сновидениях, а потом плутал по длинным — даже бесконечным — грязным непроглядным коридорам, из которых нет выхода. Снились просто отдельные мысли, в основном о предстоящем дне, а уже под утро — кривляющийся диск голубоватой луны, хотя, может быть, он пригрезился потому, что Седрисиласси видел кусочек улицы через открывавшуюся без конца дверь. Седрисиласси, разбуженный начавшейся в подвале возней, не помнил своих снов — так обычно бывает, если цикл сна не прошел всех необходимых фаз, а был прерван. Зазвонила рация. У Седрисиласси спросили, можно ли поднимать, на что полковник ответил кивком. По радиации сообщили, что квартал Синих Фонарей пал и все его защитники погибли, поэтому отступать в Булла-Реги надо немедленно, или кольцо осады окончательно сомкнется. Седрисиласси наскоро помолился о погибших героях, медленно встал и прошел к выходу. Навьюченные люди, заполонившие подвал, услышав, что полковник проснулся, не-

уклюже расступились, и он стал преодолевать крутые ступеньки, которые, трескаясь, осыпались под ногами. Постепенно подвал опустел. Необходимые вещи бойцы заранее положили в машины. Кортёж состоял из громоздких американских внедорожников, хрупких нумийских седанов и хэтчбэков разных марок — всего восемьдесят одна машина; около десятка БТРов готовились прикрывать их пулеметным огнем. Целый отряд расставили по периметру двора, тесно заставленного техникой. Часть машин, не поместившуюся во дворе, оставили прямо на проезжей части.

«Я был одним из солдат (всего нас осталось в живых чуть больше ста пятидесяти человек), которые служили в элитном нумийском подразделении. Оно охраняло самого Гуадаму Седрисиласси, а некогда — лежащие сейчас в кровавых руинах казармы Эль-Хедо-Феррарии. Лично с Седрисиласси разговаривать мне не довелось. Но часто (особенно последние дней шесть-семь) я находился с ним рядом, почти плечом к плечу, словно одна из его многочисленных теней. Я стал свидетелем большинства решений, эхо которых до сих пор разносится по нашей земле. Например, я слышал, как Седрисиласси приказал оставить Траблас-Мадену и отступить в Летис. Седрисиласси — я буду для краткости так его называть — всегда принимает неожиданные и, главное, неординарные решения. Сдать такую для него родную Траблас-Мадену, а сейчас покинуть не менее родной Летис — нелегкое дело, и все это лишь для того, чтобы побережь людей, как бы это наивно ни звучало. Если я пишу немного сбивчиво, пусть тот, кто найдет это письмо, брошенное мной в отчаянии на руинах пылающего города, все же помянет меня добрым словом, ведь я имею несчастье делать это под рев предупредительных сирен, сообщающих о приближении натовской авиации, под несмолкающие пулеметные очереди и разрывы снарядов — причем почти всегда остается непонятным, кто в кого стреляет, особенно ночью, когда мы спим на пропитанных кровью подушках, отбиваясь от надоедливых москитов, и не ведем боев. И под остальные нерадостные звуки самой настоящей войны, которая уже унесла полсотни тысяч человек, если верить протравленным кислотой лжи новостям. Два дня назад меня даже легко ранило. Но остался жив я только благодаря своему кошачьему чутью: пуля попала в ящик с патронами, который я таскал на груди, а оттуда рикошетом в шею. Мама, я не хочу умирать! Если ты читаешь эти строки и меня уже нет в живых, знай, что я всегда был далек от политики. Неужели ты не помнишь тот день, когда я принял решение поступать в военное училище? Когда ты мне еще пирожных купила за это, тех, вкусных. Помнишь? А денег у нас с тобой совсем не водилось — часть ты ради такого случая заняла у соседки. Как я тогда ошибся! Страх смерти не оставляет меня ни на секунду, и я думаю только о том, как бы уберечь свою шкуру. Седрисиласси немного сумасшедший — он фанатик Нумидии, ислама, своего народа и всего самого возвышенного, что еще можно придумать. Он ни разу не дрогнул, ни разу!.. Я не могу, я правда больше не могу. Я не Седрисиласси, я из менее отважного теста. Я хочу жить, хочу любить и воспитывать детей. Для меня подвиг не самое естественное состояние из тех, в которых я мог бы себя проявить. Вот знала бы ты, как мы прячем Гуадаму, как несем вахту охраны. Муха и та не потревожит его покой, не то что повстанцы и наемники, посланные так называемым Революционным командованием. Сколько раз мы ценой запредельных усилий спасали Седрисиласси жизнь, когда она уже должна была оборваться. Ты не поверишь, но я как будто даже видел тот самый волосок, о котором так любят говорить! Только представь себе такую картину: Эль-Хедо-Феррария захвачена, в ней уже всю шуруют отряды ВРК–НАТО. Седрисиласси укрылся в бункере. Мы прячемся вместе с ним — человек пятьдесят-шестьдесят, — сидим, ждем донесений — и вдруг по рации со-

общают, что все районы на окраинах Траблас-Мадены, где можно выйти из бункера, больше не подконтрольны сопротивлению. Седрисиласси молится — он любит как бы от всего отстраняться в минуты особой опасности. Силой ли молитвы или какой еще мы решаем вызвать подмогу — стянуть к центру Траблас-Мадены отряды, которые воюют в спальнях районах... Потом продолжу, зовут меня».

Седрисиласси в сопровождении трех офицеров, окруживших этого высокого, в последнее время сильно исхудавшего, с немного выпученными, залитыми кровью белками человека в светло-коричневом, почти телесного цвета, бурнусе, проходит через двор и садится в неприметную потертую «тойоту-лендкрузер» без опознавательных знаков, на заднее сиденье, наконец освободившись от охраны. И трое, закрывавшие его телами от шальных пуль, — в ту же «тойоту». Звонит, заглушая звуки стрельбы, еле живая рация, — где-то в западной части двора. Не разобрать, какое сообщение по ней передали, но тот, кто выходил на связь, кивает в сторону «лендкрузера». Слышится голос Гуадамы, низкий и бархатный: «Хорошо, я согласен, Саиф». Вибрация, исходящая от полковника, затухает, растворяясь в гомоне возбужденной, предчувствующей, что покоя в ближайшее время не предвидится, толпы, когда сама матушка-смерть, куда-то вечно спешащая, задержалась в городе и размахивает над ними своей безучастной косой — туда-сюда, туда-сюда. Постепенно двор пустеет — большая часть людей садится в машины, другая же, незначительная, следует за кортежем перебежками. «Тойота» Седрисиласси сигнализирует. Двор заливадается в ответ перезвоном из десятков гудков. Кортеж отправляется в свой последний путь.

— Ты можешь наконец понять, что мы не вполне разобрались с ситуацией? — с порога выпалил одетый в безупречный белый костюм загорелый мужчина. — Сейф все-таки сказал журналистам правду — ничего, что бы меня смутило, в его объяснении я не обнаружил. Даже мельчайшую крупинку лжи. Да и почему ты думаешь, французы так отчаянно проталкивали над Нумидией бесполетную зону?

— Почему?

— Короче говоря, во-первых, боятся потока беженцев в страну (на носу выборы, забыл?), во-вторых, нефть. Кто сейчас откажется от черного золота? Ты все-таки подумай об этом, подумай!

— Да что тут думать, — бесстрастно ответил сидящий за столом и снова уткнулся в бумаги. Он пил кофе из кружки красного цвета с логотипом «Rights International». — Вся история — это история триумфа лжи, история удачной подмены понятий. Знаешь, кто выиграл Троянскую войну? Скажешь, греки или троянцы? Нет, ее выиграл певец Гомер — слепой, как крот, но сладкоголосый, как пышногрудая сирена. Ему верили и до сих пор верят только из-за его этой сладкоголосости, больше не из-за чего. А правда, разве она вообще где-то еще водится, если любой факт может быть изменен с точностью до наоборот? И пусть попробует кто-то доказать, что Цезарь все-таки перешел Рубикон и что он в нем, будь он неладен, захлебнулся. По мне, лучше смотреть на следствия, чем докапываться до причин. Да и вообще война так сильно воздействует на женские яичники, ну ты понимаешь, о чем я...

Оторвавшись от бумаг, потягивающий кофе оратор заметил, что порог пуст.

«Ну и ладно, — подумал он, — лично от меня чего он хочет?»

Завибрировал телефон — звонила жена.

— Сегодня короткий день, я скоро буду.

Солнце жгло ровно настолько, насколько это возможно в середине осени. Но даже в такую погоду трезво судить о людях и вещах очень сложно: яркое солнце

тропиков слепит, высвечивает и оголяет. Вдалеке летали слепые мины (не дай Бог встретиться с одной из них и почувствовать пустоту на месте глаз). Там, где проезжал кортеж Седрисиласси, все так же состоящий из восьмидесяти одной машины — огнедышащие БТРы по краям, бронированные хетчбэки и быстрые легковые внутри, внедорожники повышенной проходимости спереди и сзади, — было относительно спокойно. Но беспокойные солдаты, высунувшись из окон, трясушимися руками уже держали автоматы наготове. Лишь однажды, пока миновали испепеленный Летис, кортеж обстреляли, и, скорее всего, сделали это свои — по чистой случайности. Такое бывает, когда зажатый в угол человек доходит до крайней степени невменяемости и может выпустить целую обойму по направлению малейшего шума, действуя в соответствии с инстинктом самосохранения — самым сильным, больше других способным до неузнаваемости искривлять пространство сознания. И это при том, что недлинный путь кортежа пролегал через кварталы, хоть и источающие дым отечества, но все еще свободные от физического присутствия НАТО и мятежников. Когда процессия покидала самый крайний пригород родного для Седрисиласси Летиса, в прозрачном теплом воздухе вдруг появились черные точки, похожие на сбитую с курса, беспорядочно мельтешащую птичью стаю. Они издавали еле заметное гудение. Натовская авиация. Связались с машиной Седрисиласси — полковник принял решение прорываться в соседний с городом район — в подконтрольный зеленому сопротивлению Джахир, но ни в коем случае не разворачивать кортеж. Посоветовавшись с сидевшим рядом генералом, который звенел россыпью из орденов и медалей на каждой кочке, Седрисиласси командовал двигаться по окруженной с двух сторон рыхлыми невысокими холмами объездной дороге. Генерал ненавязчиво советовал разделиться на группы, на что Седрисиласси, изобразив на лице улыбку, тут же перешедшую в нервный смешок, сказал: «Полный газ, Аллах с нами! — обращаясь одновременно и в рацию, и к сидящим рядом. — Они нас не станут преследовать, им нужны Летис и Седрисиласси, они думают, что они еще составляют единое целое». Он объяснял это тем, что натовские военные больше верят ушам — перехваченным переговорам, нежели чутью. Согласно перехвату, полковник все еще находится в Летисе, ведь последние радиосигналы если и пришли в военный центр, то (с учетом времени на декодирование — связисты Седрисиласси обычно не прочь загадать противнику пару головокругительных шарад) поступили туда с запозданием. Пилоты, больше озабоченные виражами и петлями, двигаются в логово врага напрямик, а значит, у сопротивления есть запас спасительных минут. Принимая решения, Седрисиласси часто доверял интуиции, и она редко его подводила. Когда днем ранее кортеж попытался прорвать осаду, но попал под мощный обстрел с воздуха на выезде из Летиса, полковник приказал поворачивать назад. Тогда удалось вырваться — лишь на одном БТРе остались неглубокие ямки от пущенного с беспилотника пулеметного дождя. Интуиция выручила Седрисиласси: в тот самый миг, когда самолеты атаковали машины командования, погиб остаток танковой дивизии, решившей разорвать кольцо блокады.

«Вот я снова пишу, о чем это я?.. Сейчас перечитаю предыдущие записи, подожди. Хотя к чему все эти лирические отступления, если только не от отчаяния? Когда я только занес ручку (она — главное мое оружие, пока автомат отдыхает, я все еще хочу стать писателем), то подумал, что смогу показаться уверенным в себе героем, понимаешь. Но ничего у меня не получается. Я убегаю от смерти, как черт от ладана. Ох, опять меня заносит на эти псевдописательские сравнения, но я полагаю, что тебе все-таки необходимо знать, какие мысли остались в оглушенном артобстрелами сознании твоего единственного сына в этот роковой для страны (и

для него самого) час. Помнишь ту историю про пятилетнего мальчика, который был готов поделиться с сестренкой кровью, даже несмотря на то, что, как он думал, сразу после процедуры его ожидает смерть? Я не готов умереть даже через пятьсот миллионов лет... Так вот, что же придумал тогда Седрисиласси, я думаю, тебе интересно будет узнать, мама. Седрисиласси отдал всем трабласским отрядам приказ направляться по подземному ходу в Эль-Хедо-Феррарию (о нем известно только нам и ни в коем случае — мятежникам; случись обратное, я бы первым поднял белый флаг). Аллах акбар! Покинуть город не составило никакого труда — под рукой Седрисиласси теперь имелась внушительная армия, собранная в одном месте и в одно время, так что отряды повстанцев никогда бы не осмелились напасть на нас. Вот так мы и оставили славную Траблас-Мадену. А иначе, разделенных на мелкие отряды и отрядики, нас окружили бы, а потом разделались с каждым поодиночке. Эль-Хедо-Феррарию нещадно бомбили с воздуха. Не только НАТО. Много раз, например, наши связисты перехватывали переговоры на арабском, а солдаты находили у убитых катарские документы... Мы наступали по всем фронтам, и только бомбы, летящие сверху, вынуждали нас, как слепых трусливых кротов, прятаться под землей — в подвалах и бункерах. Но, ты понимаешь, спрятаться могут не все. Меня опять зовут, прости».

Горели мосты — отступить было некуда. Оставаться в Летисе смерти подобно. Летящие в город самолеты, гудение которых для многих становится последним слышанным в жизни звуком, на этот раз окончательно разрушат хрупкое убежище Седрисиласси, и полковник это понимал. Противник наверняка учел ошибки, из-за которых его не смогли загнать в угол в Траблас-Мадене.

— Летис скоро падет, если еще не... — равнодушно промычал крутивший баранку потрепанного войной хетчбэка лейтенант.

У него было грязное лицо бродяги — так выглядел загар, смешанный с парами машинного масла. На мгновение лицо отразило переживаемую всеми сторонниками зеленого флага обреченность. Это не «лендкрузер» полковника Седрисиласси — один из самых новых автомобилей в кортеже. После продолжительных споров его для пущей незаметности густо перекрасили в темно-коричневый цвет. В то время как почти весь транспорт, двигавшийся по пыльной, проложенной по пустыне, неровной, вертлявой дороге, отличал защитный хаки. Расчет был сделан на то, что с воздуха черный автомобиль кажется неким островком «ничто», к тому же обычно он находится в плотном кольце из своих более светлых собратьев, поэтому пилоту в тот момент, когда он примеряется, куда конкретно выпустить ракеты, должно казаться, что на зеленом пятне радара этого автомобиля нет (по крайней мере, так думали оптимисты, которые в спорах сильнее других драли глотки за покраску «тойоты» в цвет, означающий отсутствие такового). Предполагалось также, что в случае, если Седрисиласси придется скрываться от натовской авиации в одиночку, темно-коричневый автомобиль с высоты будет менее заметен. Для него предлагали и сияющую маскировку, и цифровую, и даже немецкий Flecktarn, но все три предложения отклонили по причине неосуществимости. Основным же доводом тех, кто выступал против покраски, являлось опасение, что темный цвет может сильно контрастировать с кремовым оттенком песка, на котором развернутся военные действия с участием кортежа, вернее, его нещадный расстрел с воздуха, как случилось днем ранее. К тому же повстанцы отключили в Летисе электричество и отрубили доступ в Интернет. Еду приходится искать по оставленным беженцами квартирам или в руинах разбомбленных домов, чуть ли не вырывая из рук коченеющих (но еще тлеющих последним теплом) человеческих тел. Сосед водителя хетчбэка покачал головой и, как часто бывало в эти дни, что-то неуверенно пробормо-

тал, похожее на «тоже мне новость сказал». А потом громче добавил, протяжно чеканя:

— Пока полковник жив, мы не сдадимся.

— Само собой, — выпалил приткнувшийся на заднем сиденье и загадочно улыбнулся.

Но перенесемся на миг в другую машину — в ту, в которой ехал лидер не существующей больше республики Гуадама Седрисиласси. В ней вызревали несколько иные настроения: окружение нервничало, да и сам полковник чуть ли не в первый раз за девять месяцев непрерывающейся войны (не дай Бог кому-то еще оказаться без еды и питья в пустыне один на один с не оставляющей после себя камня на камне авиацией) дал еле заметную слабину, сказав: «Они могут вернуться и догнать нас. Слава Аллаху и вам, мои преданные друзья, и да хранит нас Всевышний». Видимо, на этот раз он понял уже не интуицией, а рассудком, почему летевшая в Летис натовская авиация не заметила кортеж: еще в июне штаб опытным путем установил, что каждый раз, когда включали рацию, бомбардировки возобновлялись с утроенной силой. Сегодня же радиосвязь включали лишь дважды, и то приказ передали зашифрованным, поэтому и НАТО, и мятежники пока только гадают, оставил ли Седрисиласси Летис или нет. «Гуадама Седрисиласси и его сын Мутаазим Седрисиласси с большой долей вероятности находятся в Летисе. Об этом заявил пресс-секретарь немецкой разведки: “Радиопереговоры отдельных членов так называемого правительства Нумидии перехвачены. Седрисиласси и несколько его бывших министров укрываются в центре Летиса, в районе квартала Синих Фонарей. В ближайшее время по предположительному месту их нахождения будет нанесена серия точечных авиаударов, после чего силы Временного революционного командования попытаются взять район штурмом”. Канал постарается держать вас в курсе событий, но очевидно, что уже сегодня режим полковника потеряет последние островки легитимности».

«Мама, мы покидаем Летис. Возможно, это мои последние слова. Может, я умру, но я решил защищать Седрисиласси до последней капли крови. Назад дороги нет. Если появится возможность написать что-то еще, я обязательно... Сейчас направляемся в Булла-Реги. Храни нас Аллах!»

Седрисиласси пел. Он вообще в трудную минуту либо пел, либо молился. На этот раз Седрисиласси негромко напевал гимн народной Нумийской Республики, грустный и торжественный. Он пел о величии Аллаха, помощника все угнетенных, и о готовности умереть с оружием в руках, защищая страну, на которую напали враги из зависти к чужому богатству. А в душе полковник жарко молился, повторяя: «Нумидия, народ, Всевышний». Седрисиласси был не из тех, кто ищет счастье в накоплении чего бы то ни было. Опальный нумийский лидер высшее удовлетворение, правда неотделимое от беспричинного страха (ведь его охраняли так, как никого в этом мире), чувствовал именно в последние месяцы и дни. Седрисиласси по-настоящему умел ценить хрустальное мгновение, понимал его силу и никогда с ним не боролся. Он верил в то, что все происходящее разумно и правильно, а мы лишь вешаем на печать высшего замысла свои суетные ярлыки. Седрисиласси повторял это разным людям, хотя и не слыл поклонником Гегеля. Полковник больше ценил пессимиста Шопенгауэра и мусульманских философов, а зачарованней, чем что-либо другое, читал своего современника Экхарта Толле, приходя в упоение от музыки его книг, воспевающих приятие настоящего. «Я никогда не покину землю нумийскую, буду биться до последней капли крови и умру здесь, со своими праотцами, как мученик», — изрек Седрисиласси, когда восстание только началось. Он

не мог знать, что оно примет такой катастрофический оборот, но теперь старался не отступать от своих слов, хотя и понимал, что в какой-то мере сам себя программирует на смерть. Жизнь в борьбе была той жизнью, какую полковник всегда представлял в воображении, когда в скромном бедуинском шатре облакал свои желания в мыслительные образы в виде картинок, воспринимая их как уже свершившийся факт. Однажды он уже почувствовал этот мятежный дух — возглавив больше сорока лет назад триумфальную нумийскую революцию. Смерть на поле боя казалась ему тем даром, который он сможет принести не оценившей его стране. Личные интересы полковник ставил ниже долга перед Милостивым и Милосердным и, разумеется, ниже долга перед собственным народом. Раньше, в безмятежной молодости, он мог позволить себе развлечения; в зрелости же только работа приносила полковнику удовлетворение, будь то написание книг или участие в международной политике: несколько лет назад, например, Седрисиласси председательствовал в Совете африканского единства, а годом ранее его официально провозгласили величайшим правителем в истории континента. «Личного счастья не существует», — периодически вслух (а чаще про себя) размышлял Седрисиласси. Полковник считал, что только чувство братства и единения с людьми способно принести пусть и небольшое, но удовлетворение, и неважно, что оно есть лишь бледное отражение того, что ждет праведника за гробовой доской. Он чувствовал это братство каждой мышцей, каждой клеточкой своего не по возрасту крепко сложенного тела, видел в конкретном визуальном образе, представляя маленькую картинку, на которой один человек держит за руку другого. Сообщения в прессе о том, что Седрисиласси владеет невысказанным и непредставимым состоянием в несколько сот миллиардов долларов — больше, чем у кого бы ни было на этой земле во все века, — приводили полковника в ярость. «Они не понимают меня, они не понимают Нумидии», — не раз говорил он в интервью, и это были не просто слова, сказанные для того, чтобы отмыть политическую репутацию. Да разве он не знал поговорку о сухом дереве, в которое не бросают камней?

Мысль, что он ходит по тонкому канату, протянутому между жизнью и смертью, давно запала в душу Седрисиласси. Но при этом он не считал себя сверхчеловеком, более того, это расхожее понятие всегда отвергалось нумийским лидером. Вместо него он придумал новое слово — «братчеловек». «У Седрисиласси миллионы братьев, и все эти братья и есть Седрисиласси, поэтому его невозможно убить», — сказал он однажды, произнося речь перед замороженной толпой. Как вечные мельницы Инд и Ганг несут в океан свои золото и серебро, так этот братчеловек нес свет и тепло миру, правдивому, но от этого не становящемуся менее жестоким.

— Ты видел?

— Нет.

— Это же кортеж Седрисиласси, тот самый, что нам на фотографиях показывали. Надо поворачивать назад. Мне не могло показаться.

— Ты б еще кое-что там увидел, Майк. Девочки у тебя давно не было, вот тебе и привиделось не пойми что. Да что ты паришься. Есть приказ — исполняй. Дадут новый — исполняй его. Война не место для разговоров, а тем более для самодурства.

— Самодурство — это другое, а тут я увидел этот кортеж своими собственными глазами.

— Он только что был в «голубом» квартале, разве ты не читал сводку? Вот же у тебя экран. Тут все написано. Сверь время. Мы прилетели. Я чувствую, что сейчас кому-то будет очень жарко. Пали.

— Палю, — вздохнул Майк и нажал на черную, изрядно потертую клавишу с надписью «dgor». В ту же минуту у шестилетней девочки оторвало голову.

«Мы по дороге в Булла-Реги. Я в машине, сопровождающей хетчбэк Гуадамы Седрисиласси. Все будет хорошо, мама, помни это, что бы ни случилось».

— Прямо по курсу «слон», поворачиваю влево, конец связи, — взволнованно прокричал в рацию водитель внедорожника и еще глубже ушел под прикрытие впереди идущего БТРа. Он положил передатчик и снова посмотрел в бинокль. Колонна, точно по взмаху руки невидимого дирижера, подалась влево. БТРы открыли пулеметный огонь. Танкист, до того не замечавший кортежа, посмотрел на радар, который недвусмысленно мигал красным словом «опасность», и тут же начал спешно поворачивать тяжелую башню в сторону приближающихся машин, а те уже вовсю окатывали его градом из пуль. Он почему-то сразу понял, с кем имеет дело, и, почти не целясь, выстрелил, но промахнулся. Только легко контузило одного из рулевых — снаряд разорвался в метре от его головы. Раненый отпустил руль и на доли секунды закрыл глаза, чувствуя, что теряет сознание. Второй снаряд со свистом пролетел в сантиметрах от крыши, и лишь потому, что танк стрелял с небольшой возвышенности, а кортеж двигался по узкой дороге, прорытой в тоннеле для защиты от пыльных бурь машин, спешащих из Летиса в Булла-Реги. Вдруг танк выплюнул из себя очередной выстрел. На этот раз БТР взлетел на воздух, а огонь перекинулся на соседние автомобили; взрывной волной в них выбило стекла с левой стороны. Но машины, несмотря ни на что, продолжали двигаться. Четвертый и пятый залпы пришлось мимо цели — танкист вдруг почувствовал нешуточное волнение, ведь на карту была поставлена и его собственная жизнь, к тому же он ясно понимал, с кем встретился под палящим осенним солнцем и какие лавры может снискать в случае победы. Глава внешней разведки генерал Джасир Зейтуни, имевший право отдавать приказы, незамедлительные для исполнения, высунулся из машины и закричал в рупор: «“Носороги”, взять “слона”!» («Носорогами» называли БТРы с одним пулеметом — таких в кортеже было большинство, а единственный БТР с двумя пулеметами окрестили «оленем» — стволы напоминали рога.) Вообще, в ставке действовало правило: члены высшего командования (такowymi были шесть человек, включая Седрисиласси) могли отдавать приказы, которые должны были исполняться автоматически, причем отменить их не мог даже сам полковник. Его ввели для того, чтобы пресекать разногласия среди руководства, недопустимые в критических ситуациях. Странное правило, но Седрисиласси (он-то и сделал его обязательным) свято верил в силу интуиции, в то, что пришедшее на ум в первый миг после столкновения с обстоятельствами — самое верное. Поэтому кто первым принял решение и произнес его вслух, становился ответственным за судьбы всех бойцов. Раздался еще один залп, на этот раз последний: пулеметные ленты приказали долго жить еще вчера, а из другого оружия у танкиста остался старый верный «макаров» и подаренный отцом кортик, имевший скорее талисманно-символическое значение. Тем временем уцелевшие БТРы заняли место легковушек в голове кортежа, образовав нечто похожее на треугольник. «Вперед, только вперед, — разрывал громкоговоритель Джасир Зейтуни, на свой страх и риск высунувшись из окна. — За Нумидию стяжайте славу!» И не боясь попасть под обстрел, БТРы устремились вперед. Первым шел БТР, управляемый самым опытным рулевым. Именно он и задал темп остальным. Танк устремился прочь, преследуемый бесстрашными БТРами Седрисиласси. Вскоре он попал в кольцо, и его беспощадно расстреляли из пулеметов, пока танкист искал возможность сообщить, что готов сдать.

Все это время Седрисиласси думал о том, что мог покинуть Нумидию задолго до того, как армия сопротивления начала отступать. Сомнения терзали, но они говорили скорее о внутренней силе, чем о душевной слабости или малодушии. Седрисиласси вспоминал, как плохо спал ночью. Его тревожили летящие на нумийскую землю «томагавки», которыми настойчиво прорезали темноту авианосцы. И мечтал, как нормально выспится впервые за долгие месяцы. Еще полковнику хотелось есть. Есть хотелось всегда, даже на полный желудок. Так заявлял о себе постоянный стресс... Седрисиласси постепенно осознал, как сложно быть героем, когда живешь от одного падения бомбы до другого и ничего с собой сделать не можешь — сердце, разбереженное пускай и отдаленной, но отчетливо ощущаемой взрывной волной, начинает колотиться в два, а то и в три раза чаще, а в крови, усиливая страх, повышается и без того запредельный адреналин. Гуадама вспомнил детство: как, преодолевая пустыню, ездил в школу на осле, как помогал подпольщикам, как втайне ненавидел Короля. Тогда лишь ненависть двигала его мыслями, но ненависть благородная — такую насылают на головы серийных убийц и военных агрессоров.

Бои стали настолько привычным фоном, что Седрисиласси ни разу не взглянул в окно: он знал, что не погибнет здесь и сейчас, посреди холмистых бугров из песка и глины, в самом сердце разгневанной пустыни. Воспоминания о детстве сменились навязчивой и неподвластной усилию воли психической активностью — однотипными ощущениями, скорее эмоционального, нежели рационального свойства, наподобие приступа сумасшествия, не слишком страшного, но все-таки довольно обременительного. Такие время от времени случались с Седрисиласси: это было похоже на полную остановку внутреннего чувствования, как будто по чьей-то прихоти его заменили визуальными образами — разноцветными психоделическими картинками. Запиликавшая рация вернула Седрисиласси в сознание. Сообщили о пленении танкиста, на свою беду пытавшегося атаковать кортеж. Капитан Харуби спрашивал, что делать со схваченным повстанцем. «Бог с ним», — сказал, искривив равнодушием, умевший щадить врагов полковник. «Отпустите», — передал сидящий по правую руку от Седрисиласси, прислонив к уху перемотанную изолентой рацию. Он нехотя произнес еще несколько нехарактерных для себя фраз, как будто обращенных от лица Седрисиласси ко всей сотрясаемой раздорами Нумидии. К ним полковник негромко добавил еще одну:

— Пускай теперь молится о своих спасителях, заблудшая грешная душа.

Как и все слова в последние месяцы, он произнес ее тихо и быстро, будто школьник, который пришел на экзамен неподготовленным, но все же решил ответить. Страх, диктующий королям, так же как и простым смертным, что, как, где и когда говорить, сейчас недвусмысленно приказывал молчать, лишь изредка и украдкой позволяя выплескивать наружу вызревающие в зарослях смертей эмоции. Молчать и слушать внутренний голос, говорящий: «Спасайся сам и плюй на остальных». Так случалось с каждым, кто хотя бы однажды пережил, что значит оказаться в подвале в момент бомбежки, пускай и в таком крепком, какой облюбовало командование Нумидии. Седрисиласси принял решение и вряд ли теперь от него отступит. Не верьте тем, кто считает, что полковник в эту минуту думает исключительно о благополучии нумийского народа и нисколько — о себе самом, что бы ни говорили и как бы ни клялись.

Рыжеволосый генерал в потертом мундире ел нечто, похожее на крекер. Другой рукой он держал сигарету с поблескивающей коричневато-золотистой вставкой возле фильтра. На его лице за шесть десятков лет выросло столько веснушек, что кожи между ними было не разглядеть. За окном колыхалось ничего не подозрева-

ющее море. На душе у генерала было спокойно и пусто. Не обладавший взрывным характером, он походил на спящий вулкан — тот, что не подает признаков жизни, но нанесен на сейсмологические карты — так, на всякий случай. Нетипичный такой генерал, больше ничего не скажешь. Вдруг кочевавший из кармана в карман всю иракскую войну радиотелефон пронзительно прорезал тишину.

— Это немцы, разведка, — обратился генерал к сидевшему в углу каюты человеку. Человек был одет во все гражданское, поэтому непонятно, в каком он звании, этот пучеглазый, как морская рыба, и при усах с проседью.

— Подымай уже скорей, — буркнул он. На другом конце докладывали тихо — ни одного звука не пробивалось за пределы трубки. Генерал быстро отключился и с присущим ему спокойствием начал пересказывать усачу все, что услышал:

— Короче, перехватили кое-что. Но ничего наши криптографы из этого не поняли. Шифр, не иначе. Вроде голос самого... Хотя, по другой информации, его кортеж уже находится на пути в район Джахир. Хотя, возможно, что кортеж посреди пустыни — это отвлекающий маневр. А сам полковник залег на дно, не покидая пригретого гнездышка в Летисе. Что делать будем?

— Понятно. У нас там три самолета сейчас. Давай не будем их отзывать, а над пустыней что-нибудь новенькое пустим, — слегка потирая руки, сказал пучеглазый и чуть заметно улыбнулся.

— Можно, скажем, беспилотник опробовать. Мак-Гейн неплохо управлялся с ним на учениях. Хорошей точности достиг парень. Пусть теперь дерзает в самых настоящих, так сказать, боевых условиях.

— Я ведь не против, пусть дерзает... Ладно, я как раз в столовую думал наведаться... После могу зайти к начальству и все обрисовать. Послушаю, что скажут. Если «добро», я тебя сразу наберу, а ты пока приказ подготовь.

— Ну давай, — равнодушно, как на предложение выпить кофе, откликнулся скупающий генерал. — Скажи только, чтобы постарались взять живым. По возможности.

— Хм, это уже как получится. Мы больше не можем ждать. Надо кончать с этой возней во что бы то ни стало. И чем раньше, тем лучше.

— Я все понимаю, но чтобы нам потом хуже не было, — съев половину слов, пробурчал генерал, жадно затягиваясь оставшимся от сигареты окурком. — Ты вспомни, как с Саддамом получилось. Сколько голов полетело... цэрэушных, светлейших голов, — и слегка улыбнулся, немного даже пораженный тому, как остроумно сумел завернуть последнюю фразу.

— Да все только рады будут. Разве тебя самого еще не достал этот клоун? Ну давай, я пошел.

«На коленках пишу. Получается путано. Буду краток: нас обстреляли из танка, отбились, но не без жертв. Сейчас на пути в Джахир. Верить или нет, я еду в машине, которая прикрывает Седрисиласси. Мама, я не знаю, что тебе писать. Все вдруг сделались какими-то нервными. Где-то меньше получаса назад встретились с авиацией, но она, слава Аллаху, нас проворонила. Несказанное везение! Но ты же понимаешь, что в любой момент... Вижу силуэт Седрисиласси через стекло. Он курит и, по-моему, молчит — по крайней мере, губы у него не шевелятся. Может, слушает донесения штаба. Хотя вряд ли, потому что не кивает. Он обычно кивает, когда слушает. Мужественная фигура. Дух захватывает! Отвлекает меня это, правда. Еще все спрашивают, что я строчу. Отвечаю, что завещание пишу — мол, для вас ничего интересного. Не хочу, чтобы кому-то, кроме тебя, открылись мои сомнения и страхи. Шум... Пока не разобрать, что случилось. Все, больше не могу писать».

Меньше четверти часа прошло с того момента, как отряд Седрисиласси отбился от танка повстанцев. Самолет на горизонте все приближался, превратившись из точки в отчетливо видимые острые линии носа, крыльев и хвостовой части. «Неужели именно так выглядит моя смерть?» — пронеслось в голове у Седрисиласси. Ожидать удара следовало в любом месте временной реки. Седрисиласси инстинктивно закрыл онемевшее лицо руками и как можно глубже вжался в сиденье. С разных сторон раздавались крики. Седрисиласси жестом попросил передать ему рацию и негромко скомандовал:

— Возвращаемся. Панику прекратить. Они нас не тронут, — и прибавил уверенней и громче: — Аллах велик!

Водители проделали, как им казалось, спасительный маневр в едином, отработанном на учебных тревогах порыве. Седрисиласси, до того молчавший, начал перешептываться с сидящими рядом. Было решено, что полковник и ближайшее окружение покинут кортеж и рассеются по пустыне. Водителю приказали остановиться. Кортеж еще не набрал скорость, так что удар, случившийся вскоре после внепланового торможения, не стал сколько-нибудь ощутимым. Из «лендкрузера» полетели стекла. А из машины прикрытия — брань не сумевшего вовремя затормозить рулевого. Автомобиль Седрисиласси оказался в середине постепенно прибавляющего ход кортежа.

В этот момент дрожащая рука Мак-Гейна за добрую сотню километров от дороги из Летиса в Джахир нажала на кнопку, на вид самую обыкновенную, и послушный беспилотник изверг из себя смерть. «Топливо кончается. Надо где-нибудь приземлиться. Как же мне надоело бомбить этот проклятый город!» Второй пилот если в душе и протестовал против таких мерзких слов, то ничем не выдал себя. Спорить с напарником просто бесполезно. Кому нужны твои убеждения, если ты, хоть тресни, должен исполнить полученный приказ. «Оттого, что я страдаю, малышей не спасти. Коль скоро я угодил сюда, то буду подделываться под общий тон — кривляться, лукавить, играть. А иначе меня ждет печальная участь, — успокаивал он себя, чтобы не сорваться. — К тому же на смертельную кнопку нажимаю не я, а он».

— Ты там, часом, не заснул? Не заснул, так пали!!! Мы камня на камне не должны оставить от этих чертовых домов. Ты что, забыл, кто в них прячется?!

Спустя секунду говоривший, уронив голову на сиденье, был мертв, успев что есть силы надавить на кнопку. Она загорелась холодным зеленоватым светом, после чего сверкающая аляповатыми лампочками приборная панель непродолжительно пищала. Смерть, свистя, полетела сквозь толщу холодного воздуха вниз, туда, где под крышей небольшого дома молилась состоявшая из сына и отца семья (их мать забрала пуля). Снаряд, как непрошенный гость, оказался прямо в гостиной. Молитва оборвалась на полуслове, а голова отца разлетелась на тысячу мелких частиц из крови, кожи, костей и мозгового вещества. Звуки молитвы на мгновение повисли в пыльном воздухе, а потом навсегда исчезли в вечной немоте. Сыну повезло прожить на две минуты дольше. Если бы кто-то имел несчастье оказаться в ту минуту там, где умирали эти не успевшие обратиться к Богу бедняги, он бы увидел сидящего за столом девятилетнего малыша с висящими на ниточках глазами и красным месивом вместо лба и его упавшего на пол отца с зияющей пустотой вместо головы.

Удар оказался такой силы, что половина машин кортежа разлетелась на тысячи осколков. Самый маленький из них был не больше спичечного коробка. Эпицентр взрыва пришелся на хвост кортежа. Седрисиласси, чудом избежавший прямого попадания ракеты, ненадолго потерял сознание. Когда он очнулся, то поначалу

тщетно силился понять, где находится. Из-за столбов песка видимость не превышала нескольких десятков сантиметров. В груди из окровавленных тел Седрисиласси смог опознать нескольких своих телохранителей. Они ничком лежали на земле. Очистив глаза от песка, Гуадама увидел покореженные машины, нагроможденные друг на друга. То и дело слышались сдавленные крики. Это те, кто выжил, обращали призывы о помощи в пустоту. Рации в кармане не было: она отлетела на несколько метров. Ощупав себя, полковник обнаружил, что пистолет и спутниковый телефон еще при нем. Седрисиласси подхватили под руки и вынесли оттуда, где вскоре, сотрясая землю, разорвалась вторая бомба. Те, кто не сумел найти в себе силы подняться после первого удара, погибли от последовавшего за ним второго. Решение сбросить еще одну бомбу Мак-Гейн, в одиночку вершивший судьбы нескольких сотен человек, принял, когда на экране, транслировавшем картинку с беспилотника, обнаружил большую часть машин целыми и невредимыми. Разрешение камеры не позволяло видеть лица людей, тем более удостовериться, погиб Седрисиласси или остался жив. Прибор заклинило, и изображение застопорилось. Слава Аллаху! Большинству выживших удалось быстро покинуть зону видимости беспилотника. Седрисиласси, поддерживаемый под обе руки, услышал у себя над головой: «Братский лидер ранен в обе ноги и едва может идти. Положите его на землю и позовите врача!» Врач осмотрел полковника, когда отряд отошел на пятьсот метров от пылающего кортежа. Самолет нанес еще два удара, они уничтожили оставшихся лежать на песке раненых и вторично прошли по тем, чьи души были уже на полпути к раю, после чего скрылся за дымчатой линией горизонта, двигаясь по направлению к Летису.

Асма сидела в кресле с дочерью на руках. Она только что закончила монолог о судьбе Нумидии и участи своего отца.

— Они не посмеют. Если до этого они уничтожали только военные объекты, то папин кортеж, не представляющий никакой угрозы для мирного населения, не тронут, — на вид спокойно ответила ей жена Седрисиласси Зафия, но так, будто ни на йоту не верила в правдоподобность только что сказанного.

В квартире, которую правительство Джумхурии, ввиду давней дружбы между двумя странами, предоставило спешно покинувшим охваченную гражданской войной Нумидию жене, дочери и ее малолетним сыновьям, внукам Седрисиласси, пахло жареной картошкой и луком. Казалось, что это незамысловатое блюдо специально приготовлено потому, что его очень любил их муж, отец и дед, хотя он, будучи все еще живым, вряд ли нуждался в таких «поминках». Мысль, что любая секунда может стать для него последней, не оставляла никого из живущих в крохотной, ничуть не похожей на роскошные апартаменты однокомнатной квартирке на втором этаже старого типового дома почти на окраине города. Кому, как не им, сейчас чаще других приходится содрогаться от того, что их жизнь скоро будет омрачена страшной вестью: Седрисиласси взят в плен или убит. Страх витал в воздухе — но вслух о нем старались говорить поменьше.

— Мама, неужели папу ждет судьба Саддама? — неожиданно спросила Асма, потупив влажные от слез глаза.

— Мне сложно говорить о том, чего я не знаю... Но где-то внутри я чувствую, что все будет хорошо, — несколько раз путая слова, ответила мать. По ее щекам полились два ручейка.

Асма хотела было успокоить мать, как вдруг в комнату вбежал, нарушив беззвучность пространства, ее трехлетний сын, черноволосый и кудрявый, чертами лица очень похожий на дедушку.

— Мама, я хочу пи-пи, — обратился к Асме разыгравшийся и некстати потребо-

вавший к себе внимания маленький человек, так как в одиночку боялся преодолевать темный коридор.

— Дети — они всегда дети, даже на похоронах играют, — засмеялась, вытирая слезы, Зафия и сразу перестала плакать. Ее взгляд, устремленный поверх головы дочери, словно искал затерянного в окровавленных песках мужа.

Седрисиласси мог передвигаться еле-еле. У врача возникло подозрение, что самый важный в его практике пациент контужен. Но они отпали сами собой: способность слышать, равно как и способность говорить, не покинули лежащего на скрипучем песке полковника. Седрисиласси тяжело поднялся с песка и спросил, сколько осталось в живых и есть ли у них бинокль. Полковник хотел лично удостовериться, что самолета, крестившего его людей смертью, нет поблизости. Раненого вели двое. Один из них, щуплый молодой солдат, был автором дневника: на пожелтевших листочках, этикетках и сигаретных пачках он успел засвидетельствовать всю жестокость, бессмысленность и предательство, с какими довелось встретиться...

Сигарета тлела в пепельнице. Выпустив из легких тонкую струю, пресс-секретарь транснационального комитета по безопасности посмотрел на пожелтевший дисковый телефон, стоявший в его кабинете с самой вьетнамской войны, равнодушно ожидая, что допотопный аппарат сейчас зазвонит. Ожидая вполне предсказуемое. Телефон разрывался от недовольных звонков уже несколько дней, с тех пор, как его номер просочился на один из поддерживающих Седрисиласси и Нумидию сайт. Нависший над ним человек искал избавления от донимавшей его обязанности отвечать на них. Способ нашелся.

«Дзен-дзен», — пропел аппарат.

— Да, — пробурчал чиновник. — Комитет по безопасности.

В кои-то веки ему приходится представляться! Все, кто звонил в пресс-секретариат комитета на протяжении десятилетий, предшествовавших последним нескольким дням, знали работающих в нем лично. Пресс-секретарь даже стал подумывать о смене номера, лишь бы остановить поток недовольных.

— Империалистические крысы, только попробуйте тронуть Седрисиласси! Вы прекрасно знаете, что полковник никакой не умалишенный, как о нем по вашей указке пишут продавшиеся дьяволу газетенки. У вас самые мощные в мире спецслужбы. Они в состоянии найти одну-единственную иголку в миллионе стогов по всему вертящемуся под вашу дудку шарик. Всем все известно: вам просто стало невыгодно иметь такое государство, как Нумидия, тем более на взрывоопасном Ближнем Востоке, где мало осталось немарионеточных режимов. Конечно, вам не хочется терпеть такого сильного и своевольного лидера, как Седрисиласси, готового умереть за собственную страну... Вы, под флагом демократии несущие смерть! Пусть будут трижды прокляты эти ваши «томагавки» и «дроны»! Вы, убившие сыновей братского лидера! Остановитесь! Ну разве вам еще непонятно, что кухни, столовые и спальни ничуть не похожи на военные объекты, а грудные дети — на солдат и офицеров? Ваша демократия — это когда волкодав живьем съедает пекинеса, а пекинесу если что и позволено, то негромко пискнуть перед смертью. Смерть захватчикам, смерть продажной оппозиции, этой горстке неспособных принимать самостоятельные решения марионеток. Смерть всем, кто посягнул на великую Нумидию, страну, где власть и богатство принадлежат народу, его зеленым советам! Слава полковнику Седрисиласси и Сопrotивлению! — на одном дыхании раздалось на другом конце провода. Так бывает с теми, кому после долгого одинокого размышления просто необходимо излить накопившееся в душе на первого попавшегося человека. Но ему было не суждено быть услышан-

ным: на лакмусовом слове «Седрисиласси» рассерженный секретарь бросил трубку.

— Влево, влево, чуть-чуть влево, — кричал седоволосый телеоператор, много лет подряд занимавшийся возбуждением в зрителях чувств и мыслей, служащих во благо всем кому угодно, только не самим зрителям. До эфира оставались считанные минуты, а надо еще найти мало-мальски выгодный ракурс, такой, чтобы соответствовал важности момента. — Теперь капельку правей, — сказал он, что было сил вдавив кнопку записи (обычно это проделывалось им за секунды до того, как в наушниках раздавалось «live, тридцать секунд»). Оставалось лишь тронуть переключатель, и картинка, готовая заместить собственное сознание зрителя, пойдет прямо в эфир. Видоискатель показывал улыбающегося корреспондента — нечто среднее между денди, метросексуалом и хипстером, который, светясь неискренней улыбкой, был частью дешевого иллюзорного эффекта. — Срочная новость, — поставленным голосом начал он. — Кортёж полковника Гуадамы Седрисиласси, двигавшийся в район Джахир, попал под авиаудар в двух километрах от Летиса. Как сообщил нам корреспондент телеканала «Аль-Джазира», самолет-беспилотник выпустил по кортежу, состоявшему из военной техники и внедорожников, по меньшей мере три ракеты системы «воздух—земля», весом полторы тонны каждая. Данных о том, находился ли полковник Седрисиласси в одной из машин кортежа и ранен ли он, у руководства коалиционными войсками нет. Вскоре после обнаружения военизированной автоколонны Временное революционное командование получило сведения, что полковник скрывается в одном из кварталов Летиса, предположительно в квартале Синих Фонарей. Руководство коалицией предполагает, что кортеж, двигающийся в Булла-Реги, — отвлекающий маневр. Он нужен для того, чтобы бывший нумийский лидер мог беспрепятственно скрыться. При этом все еще находящийся под контролем Сопrotивления квартал окружен силами ВРК и, возможно, в скором времени будет зачищен... вернее, в соответствии с резолюцией ООН, военные объекты, представляющие опасность для мирных жителей, перейдут под юрисдикцию командования, а воюющих на стороне Седрисиласси солдат и офицеров демобилизуют и в течение нескольких дней отпустят домой. Следите за нашими прямыми включениями. Они будут выходить в эфир по мере поступления информации. Ни в коем случае не переключайтесь!

Седрисиласси намеревался отдать приказ о возвращении в Летис. Он пытался разглядеть сквозь завесу из дыма и песка, сколько людей осталось в живых и есть ли среди них кто-то, на кого он сможет по-настоящему рассчитывать. За спиной полыхал кровавый пожар. Столпившиеся вокруг Седрисиласси солдаты, счастливые от того, что непостижимым образом перехитрили смерть, перешептывались. Полковник ясно понимал, что сейчас, в минуты суеты и растерянности, он должен сказать нечто простое и ободряющее, что способно поднять упавший дух солдат и офицеров. И сказать так, как никогда еще не говорил. Поэтому слова, сначала рывшиеся в голове вне всякого порядка, стали выстраиваться ровными рядами сами собой:

— Я еще не хочу умирать, — начал он, — как, думаю, не хочет никто из нас. Аллах милостив. Он хранит нас, в то время как многие наши родные, близкие, друзья и просто братья по несчастью не дожили до нынешней, благословенной Всевышним секунды. Мы должны отомстить за них, не щадя собственных жизней, как наши отцы и деды, героически противостоявшие белым ворам с Запада, не щадили своих. Аллах акбар! Нам не страшны никакие бомбы и пули! Пусть Сопrotивление окончательно уверит НАТО в том, что этим горе-крестоносцам надо убраться с нашей земли. Да обрушится их и так вконец сломленный дух! Тот, кто бросает нам

вызов, пусть придет и вызовет на бой нумийский народ и сразится с ним. Не исподтишка, а лицом к лицу...

Седрисиласси неожиданно остановился, оборвав себя на полуслове. Перед ним стояли люди, почитавшие его как мессию, ждавшие этой речи не меньше, чем самые преданные верующие — божественного откровения. Полковник впервые понял, что его дух давно скован одним странным противоречием, и если он не признает это, то, получается, обманывает сам себя. Перед ним встала дилемма, до того скрывавшаяся глубоко в подсознании: как он, сторонник прямого народовластия, мог разувериться в самостоятельности масс, превращенных когда-то им же самим из дикарей в цивилизованное общество? Он понимал, что не имеет ни малейшего права лелеять ростки сомнения и неуверенности в себе и в тех, кто стоял в ту минуту перед ним с распахнутыми душами. Поэтому полковник нашел в себе силы прервать паузу и продолжил:

— Мы можем умереть, хотя это не так страшно, но мы не отдадим нашу страну, нашу землю, которая приняла прах отцов и дедов. Мы не сдадимся! Я уже принял решение: нам придется рассеяться по пустыне, ничего не поделав. Только так мы лишим натовских крыс возможности обнаружить нас с воздуха и бросить на растерзание смерти, как бросают в полное корыто беспомощных котят. Мутаазим, распредели, кто с кем и куда идет. Идрис Салам, попытайся связаться с городом и узнай, в каком направлении двигаться безопасней всего.

— Да если мы рацией воспользуемся, они тут же нас засекут. Так уже было сто раз! — ответил на обращенные к нему слова невысокий человек, мало походивший на военного в высоком чине. — Сейчас нам ни при каких обстоятельствах нельзя выдавать свое местонахождение, Гуадама. Это верная смерть. Я не стал бы ни с кем сейчас связываться...

— Путей отступления, по сути дела, у нас никаких нет, — вмешался министр юстиции Нур Хадир. — С моря наступает НАТО, а с трех остальных сторон — мятежники, будь они трижды прокляты. Любая информация безнадежно устарела, а новую мы можем получить только с риском для жизни. Идрис ибн Али прав. Хотя слепо плутать по пустыне без цели тоже не совсем верно.

В итоге министры решили все-таки не связываться с оставшимися в Летисе товарищами, а действовать на свой страх и риск, потому что «свой» риск, как тогда казалось, был все же меньше, чем угроза быть обнаруженными повстанцами или, того хуже, натовской авиацией. Небольшой отряд под условным руководством Седрисиласси отправится на северо-запад, Нур Хадир с более многочисленной группой — на северо-восток, группа Мутаазима Седрисиласси пойдет в обход, с конечной целью прибыть туда же, куда отправляется отец, — в свободный от сил ВРК и НАТО юго-восток родного города полковника. Отряд Седрисиласси, основу которого составили наскоро отобранные из легкораненых бойцы, короткими перебежками начал преодолевать двухкилометровый участок пустыни, отделяющий его от южной окраины Летиса с несколькими жилыми кварталами, где уцелели последние ростки зеленого сопротивления.

Мутаазим сидел на полу в состоянии полусна. Ему снилось, как шагали парадным строем не по форме празднично одетые солдаты, а за ними, несколько отставая, брел духовой оркестр. Мутаазим отчетливо запомнил лицо седого дирижера и одного из тромбонистов, который все время облизывал губы, видимо, пересохшие от жары. Оркестр играл совсем простую, но удивительную и полную печали мелодию. По углам не избежавшей бомбежек комнаты стояли часовые. Очнувшийся от минутного забытья Мутаазим курил сигарету, которую к его ногам бросил один из часовых, лишь отдаленно напоминавший настоящего военного и больше похожий

на неотесанного, только записавшегося в ополчение добровольца. Мутаззиму уже порядком надоело сидеть на холодном потрескавшемся полу — он поменял положение ног и прислонился к стене, расслабляя спину. В подвал вошел человек в странной военной форме с погонами капитана и молча протянул Мутаззиму полуторалитровую бутылку с водой. Удивившись, пленник чуть было не обронил несходительное «спасибо». Он поймал себя на мысли, что если его захватчики сделали такой дружелюбный жест, то, может быть, они все-таки оставят его в живых. Океан души Мутаззима заколыхался чуть спокойнее. Хотя он давно смирился с судьбой, а ожидание смерти для него стало ожиданием вечной и всеобъемлющей свободы. Смерть казалась Мутаззиму закономерным итогом его не слишком-то и длинного пути. Пусть он и шел по нему вполне радостно и беззаботно. Мутаззим боялся представить, что могут сделать с его отцом, если захватят в плен. Вдруг в комнату с бранью и грохотом вбежали трое в накинутых поверх полевой формы парадных офицерских мундирах. Мутаззим быстро смекнул, что мундиры были отняты у попавших в плен его товарищей, которые прорывались в осажденный Лети́с. Мутаззим, встретившись взглядом с одним из вошедших, заподозрил, что тот находится под действием наркотиков: его глаза заметно косили, но не так, как при косоглазии.

— Встань, когда с тобой разговаривают! — закричал обкуренный.

Мутаззим встал и сразу получил увесистую пощечину. Вся троица неожиданно начала размахивать руками, и молодой Седрисиласси не разобрал, от кого досталось это неслыханное в жизни унижение: в момент удара он опустил глаза в пол. Мутаззим долго не решался взглянуть в глаза своих обидчиков, а после, все-таки найдя в себе силы, поднял на них расширенные — оттого, что его, пленного, унижают, попирая все законы его родной страны, и никому до этого нет дела — зрочки; троица противно захихикала и стала еще пуще размахивать руками — периодически то сотрясая ими прокуренный воздух, то весь в слипшихся волосах череп так и продолжавшего гордо стоять, не посмеявшего сесть или увернуться Мутаззима. Никто и никогда не смел так с ним поступать: как с принцем, конечно, с ним не обращались, но даже в школе плюющие на всех и вся хулиганы обходили Мутаззима стороной, понимая, что с этим парнем лучше не связываться.

— Садись, — закричал на него один из троицы — не тот, чьи глаза перманентно залипали у переносицы, а самый плотный по телосложению. Мутаззим, повинувшись, сел. Часовые стали разговаривать с самопровозглашенными офицерами на редком южноумийском диалекте, поэтому значение некоторых слов оставалось для него слегка размытым. Говорили не больше минуты или двух, после чего взмыленный повстанец вытащил из кармана малокалиберный пистолет, потряс его слегка, опустив почти до пола, и наклонился над головой не успевшего ничего осознать или хотя бы инстинктивно закрыться руками Мутаззима. И тут же выстрелил, предварительно вытянув руку так, чтобы оружие уперлось жертве в грудь. Ничего не понимающий Мутаззим забился на полу, как бьется на плахе приговоренный к смерти. Находясь в непродолжительном, но растянутом почти на целую вечность периоде умирания, он наконец понял, что смерти, грозящей человеку из каждого угла на всем его жизненном пути, просто нет и что бояться ему совершенно нечего. Самое худшее из того, что в его жизни случалось, таяло на глазах и превращалось в сто крат превосходившее все человеческие представления о счастье. Вдруг какая-то сила, неожиданно пробудившаяся в груди, окунула его в бесконечный океан блаженства. Темнота... Свет!

Деда, ты спасешься! Для меня ты все равно самый главный. Тебя хотят убить нехорошие люди. Я никогда так не поступаю. Я примерный мальчик, я всегда слу-

шаюсь маму. Ведь мне же будет за это от тебя подарок, да? Я хочу длинную черную машинку, такую, на которой ты в телевизоре ездил. Еще я хочу вернуться домой. Мне надоело здесь жить. Какие-то дяди все время приходят к нам и кричат на маму, а она потом плачет. Забери нас отсюда, деда! Мы тебя очень любим! Нам тебя очень жалко. Ты такой добрый и хороший. Ты любишь всех людей на свете. Когда я вырасту, я хочу стать таким, как ты, — я буду защищать тебя, если случится еще одна война. Ведь для этого всего лишь нужно научиться поднимать тот тяжелый пистолет, который ты мне давал посмотреть? Я помню, как ты мне говорил, что все люди — это мои братики и сестрички. Я хотел спросить у тебя, а что происходит с теми солдатами, в которых попадает пуля? Они поднимают руки вверх и говорят, что сдаются, а потом просто сидят в сторонке и наблюдают, как другие, в которых еще не попали, продолжают стрелять друг в друга? Я спрашивал у мамы, но она говорит, что она расскажет мне об этом, когда я чуть подрасту. Я уже устал писать, деда. Пойду поиграю в машинки. Я люблю тебя!

В то самое время, когда сын жадно набирал в легкие воздух для последнего вздоха, отец со своим крохотным отрядиком в каком-то гипнотическом трансе — молча, сосредоточенно и медленно — пересек небольшой отрезок пути, который отделял продолжавший пылать кортеж от первых строений на окраине Летиса. Полковник еще не знал, что за двадцать с небольшим минут, пока он со своими людьми, останавливаясь и озираясь на каждый звук, преодолевал расстояние в два поднимающихся из низины на возвышенность километра, отряд его сына был обнаружен автоколонной мятежников, патрулирующих пустыню под предлогом поиска выживших после авианалета защитников режима, окружен и обезоружен, после чего рассажен по машинам и привезен в Летис, построен ровными рядами во дворе первого попавшегося дома и взят под охрану часовых, а Мутаззим вскоре убит без суда и следствия обкуранным повстанцем-фанатиком. Отряд Седрисиласси двигался, как саперы, осваивая метр за метром территорию до линии горизонта, поднимаясь по холмам все выше и выше. В воздухе все еще чувствовался запах дыма — легкий и совсем неприторный, хотя вместе с резиной, пластиком и железом горели в этом поминальном костре обезображенные взрывом люди... По пути было решено на время спрятаться в первом из стоявших на окраине Летиса домов, осмотреться, набраться сил, а потом двигаться дальше, чтобы искать своих, если они вообще найдутся.

— Мне нужна точная информация о потерях, а не твое невразумительное бляенье! — истошно завопили в трубку.

Звонили из главного штаба. Случайно оказавшийся возле телефона генерал не знал, с кем говорит и в каком звании этот бесцеремонный человек, поэтому от греха подальше решил не огрызаться.

— Количество потерь уточняется, — изобразив видимость покорности, ответил он. И, накручивая на палец телефонный шнур, равнодушно добавил: — Мы продолжим действовать в соответствии с приказом.

Судя по интонации, с которой генерал чеканил короткие фразы, он чувствовал себя оскорбленным. Что-то невнятно буркнув в трубку, военный, не дожидаясь ответа, отключился. Второй звонок не заставил себя долго ждать. Генералу доложили об авиаударе, о судьбе Мутаззима Седрисиласси и об уцелевшем полковнике, зажатом между Летисом и дорогой на Булла-Реги. Все пути к бегству перекрыты, блокпосты готовы встретить диктатора и взять его живым или мертвым, а несколько автоколонн получили приказ прочесать местность. Генерал, которому когда-то довелось участвовать с Седрисиласси в нескольких совместных мероприятиях (один раз он даже имел честь поздороваться с ним за руку), впервые за дол-

гие годы испытал чувство сострадания... и генерал заплакал. Вместе со слезным ливнем к нему пришло осознание того, что предательство все равно что скрупулезно рассчитанный лабиринт: один-два случайных поворота, и дороги обратно уже днем с огнем не отыскать. «Что если Иуда подходил к своему знаменитому предательству постепенно, сначала предавая, сам того не замечая, в мелочах — на словах отказываясь от убеждений, потом обманывая в незначительных делах и так далее? — подумал растрогавшийся генерал. — Да ведь я сам стал тем, кем я стал — не в одночасье, а сдаваясь в таких ситуациях, которые не казались особенно значимыми. В итоге я оказался одним из тысяч иуд, все прекрасно понимающих, но продавших себя за пятизвездочные отели, рестораны и автомобили, ради грязных шлюх и двухэтажных коттеджей. Да они же за день уйдут с молотка, только меня настигнет инфаркт или инсульт... Что вообще может быть ниже всего этого?»

— Да разве ты не понимаешь, что самое счастливое время — тот короткий миг, когда мы погружаемся в глубокий сон? Нет? Ты думаешь, что сон — это ненужный эволюционный пережиток, компенсирующий несовершенство нашего тела? Тогда ты ничего вообще об этой жизни не знаешь, дорогой друг, — иронично подытожил пространный монолог длинноволосый улыбающийся нумиец. Его звали Саади, так же как одного из сыновей Седрисиласси, а его внимательного и чуть ошарашенного слушателя — Абу. Саади сидел справа от водителя помятого, ставшего похожим от пуль на гигантское решето внедорожника. Он был студентом, попавшим к повстанцам в плен (после того, как они сожгли его родную деревню), но нисколько своей несвободой не тяготившимся. Как и участием в боях, в которых, впрочем, ему ни разу еще не пришлось кого-то ранить или убить. Саади покорились судьбе, но за пять месяцев так и не извел ни одного патрона, прошагав чуть ли не половину Нумидии. На заднем сиденье промасленного салона ехал его новоприобретенный друг Абу. Саади занимался с ним «экзистенциальным просвещением», как он назвал этот незамысловатый процесс, состоявший из одних его длинных монологов. До начала войны Саади учился на философском факультете и даже опубликовал несколько работ о связях европейской и восточной философии, поэтому знал многое, что на войне было излишним — в представлении большинства. Сам же неудавшийся философ считал, что только эти, бесполезные по меркам обывателя, теории и помогают ему сладить с собой и не сойти с ума, когда каждый день видишь, как умирают люди, только что рассказывавшие тебе анекдот и сами же громко над ним хохотавшие. Выдайся свободная минутка — и Саади тут же начинал «экзистенциально просвещать» Абу, где бы она их ни застала — в окопе, на дороге или в подвале, куда мятежники прятались от слепых бомбардировок своих же союзников и где собственный голос слышишь с трудом.

— Чтобы достичь полноты бытия, ты должен понять, что вообще представляет собой существование. Прекращай отождествлять себя с мыслительным потоком. Как бы замедляй его и в итоге совсем останавливай. А то, что останется, и является твоей вневременной сущностью...

Запищала разряженная рация, и разговор прервался. Улыбающийся Саади заерзал в кресле, предвкушая, что вот-вот продолжит свой безусловно доставлявший ему удовольствие монолог. Командование приказывало отряду Саади и Абу оставить транспорт и двигаться пешком. Решения ставки не обсуждались — внедорожник моментально опустел. Внутри остались запахи, часть из которых еще живые солдаты унесли с собой, и лампочка на приборной панели, горевшая потому, что бензин подходил к концу, или потому, что была сломана.

В подвале, где укрылся беглец Седрисиласси, пахло мылом и, как в любом доме, оскверненном шквалом воздушного огня, потрескавшимся цементом. До

войны в нем, видимо, располагался небольшой хозяйственный склад, о чем почти кричали валявшиеся на полу вперемешку с затвердевшими комьями облупившейся штукатурки предметы. Убаюкивающая, клонящая в сон тишина наводила на мысль, что Летис уже взят, поэтому больше нет надобности в воздушных налетах. Задремавшему в углу Седрисиласси приснилась стая ворон, при этом одной из них оказался он сам. Он понял что-то, о чем не догадывался раньше, но так и не смог забрать это открытие с собой из пространства мимолетного сна. Когда полковник проснулся, его захватил поток ошеломляющих, но вместе с тем простых мыслей. Бренность мира стала для него очевидной. Давние проблемы будто потонули в залитых кровью песках, отчего казались теперь не то чтобы ничтожными, но никогда не существовавшими вовсе. Пусть они так и остались нерешенными... В детстве Седрисиласси отличался не по возрасту ищущим складом ума, и этому несколько не мешал тот факт, что до четырнадцати лет он пас овец и водил знакомство только с верблюдами и ослами. Христос, будучи Царем земным и небесным, казался людям белой вороной, да еще и каркавшей на свой единственно ему понятный лад... Да хотя бы потому, что не чурался ездить на осле, — неожиданно осенило Седрисиласси, — а Моисей, великий праотец Моисей... А что Моисей? — он начал задаваться вопросом, но от потрясения так и не вспомнил и толики из великой биографии великого пророка, безуспешно вопрошая себя, называя (чтобы задействовать как можно больше ассоциативных связей) Моисея на мусульманский манер... А тем временем Смерть уже занесла косу над его головой — мятежники подобрлись уже близко.

Саади и Абу по иронии судьбы поручили обыскать именно тот дом, в котором Седрисиласси с отрядом нашли непрочное убежище. Полковник приказал выставить перед четырехэтажным кирпичным зданием постройки начала семидесятых двух здоровенных часовых: старшему из них была вручена рация — одна из трех уцелевших. Покинув крадучись тесный крытый переулок, некогда относившийся к территории небольшого базара, Абу заметил двух сидящих на корточках и куривших офицеров в грязных камуфляжных куртках с отклеившимися погонами. «Не похожи на наших», — пронеслось у него в голове. Абу попятился, но один из часовых заметил его и без раздумий выстрелил. Однако Абу уже скрылся в тени.

— Там... не свои, — не найдя более подходящих слов, выпалил перепуганный Абу.

— Ну доставай же свой автомат, Саади! — закричал шофер. — Чего ты медлишь!

Часовые бросились в переулок. Абу, заметив ходули их теней, не целясь, выстрелил, но промахнулся. Часовые уже рядом. Шофер, прихватив с собой Саади, упал на землю и продолжал отстреливаться. Абу, петляя, пятился. Тем временем озлобленные и оттого не ведающие страха часовые оказались совсем близко...

«Я не хочу умирать, но если это необходимо, чтобы сохранить эту землю и ее народ, если это необходимо тысячам людей, которые все мои дети, то так тому и быть», — читал, сидя на полу дешевого гостиничного номера советник Седрисиласси Джума Юсуф. После долгих месяцев, будто проведенных без страховки под куполом цирка, он находился в безопасности. Два дня потребовалось на преодоление многочисленных блокпостов, пока Юсуф не оказался на необитаемой и оттого мирной территории большой пустыни: передвигаться приходилось в объезд, а иначе вероятность столкнуться лицом к лицу с наиболее агрессивной частью мятежников была крайне высока. И еще три дня — на то, чтобы преодолеть равнодушные, живущие только им одним известным образом барханы и мертвые, наполовину обтесанные ветром и дождем нескончаемые скалы, и еще два дня вынужденный «питстопер» пробирался через секретный неохраняемый участок нумий-

ской границы в нейтрально-бесконтрольный Сахель, а оттуда уже рукой подать до дружественной Джумхурии. В ее одноименной столице он сейчас и пребывал, держа в руках завещание своего лидера. Джума Юсуф скользил глазами по написанному на мятом листе, уже десятки раз читанному тексту, составленному Седрисиласси наспех, пока он пережидал бомбежки в подвале. Особенно Джуме понравилась (может, потому, что совпала с его собственными недавними размышлениями) одна фраза, написанная скачущей вязью потекшими фиолетовыми чернилами: «Когда другие строили замки, я жил в скромном доме, которым служила мне палатка. Я всегда помнил о своей голодной юности, поэтому никогда не транжирил наше национальное достояние. И как великий вождь Саладин, который спас мусульман от крестоносцев, я взял лишь немного для себя лично». Она напоминала Юсуфу о том скромном, непривередливом Седрисиласси, которого он знал и с которым пятнадцать последних лет работал бок о бок, о Седрисиласси, не скупящемся и не боявшемся пожертвовать золотой нумийский резерв, когда речь заходила о помощи простым нумийцам, попавшим в трудную ситуацию, о Седрисиласси, тратившем солидную часть собственных средств на благотворительность, о неординарном и гуманном лидере нации, одновременно светском и духовном, о сыне малограмотного бедуина, ставшем в неполные двадцать пять лет настоящим отцом народа, о революционере, действующем без оглядки на обстоятельства, о некоем даже утописте, готовом отождествить себя с воображаемым будущим и поставить на zero такого отождествления собственную судьбу.

Юсуф вспомнил, как во время американских бомбежек двадцатилетней давности Седрисиласси пустил в правительственный бункер тысячи обычных жителей Траблас-Мадены, о том, как шальная ракета, попавшая в кроватку его приемного сына, убила пятилетнего мальчика, как полковник, подобно одинокому маяку в шторм, противостоял бесконечной клевете и предательству, как за этим независимым от чьих-либо мнений человеком мгновенно закрепилась слава «самодура» и «сумасшедшего», потому что это было выгодно некоторым высокопоставленным людям с нездоровыми взглядами и амбициями, вскипающим при одном упоминании имени Седрисиласси.

Джума Юсуф пожалел, что в семидесятые был еще мал и учился в школе. Поэтому о том, что происходит в его стране: о первых шагах настырных реформ Седрисиласси, в частности о проекте «ирригационного государства», воссоздававшего стародавний принцип связи управления с орошением, о выдворении иностранных протекторов и отказе от военного присутствия на нумийской территории и о многом другом узнавал из выпусков новостей. Про зацветшую бурным цветом народную демократию, когда женщин уравнивали в правах с мужчинами, когда Седрисиласси запретил продажу табака и спиртных напитков и поставил вне закона жестокий профессиональный спорт. Когда доходы от нефти постепенно превратили нищую пустыню в райский сад и каждый в нем получил равную возможность быть образованным, в общем, все то, что Седрисиласси даровал веками угнетаемым нумийцам. Все то, что закончилось и, наверно, уже никогда не вернется. Может быть, закончилось не сейчас, в первый год второго десятилетия двадцать первого века, а много раньше — когда прилетевшие из Европы самолеты превратили Траблас-Мадену из лучшего города планеты в дымящиеся руины. Или позднее, когда на страну наложили страшные экономические санкции, как накладывают по ошибке на здоровую конечность лишаящий ее жизни жгут:

«Сейчас я под атакой крупнейших армий в военной истории, а мой маленький африканский сын хочет убить меня, чтобы отнять свободу, чтобы отнять у моего народа право на бесплатное жильё, медицину и образование, на бесплатное пита-

ние, и заменить все это американским стилем воровства под названием „капитализм“, когда корпорации правят странами, а народы в них страдают».

Прочитав, Джума натолкнулся на мысль, что выросший на свиных гамбургерах американец никогда не сможет понять мусульманина, лишаящего себя жизни посреди супермаркета, мужчина разумеет женщину, сын — отца, а миллиардер — рядового рабочего своего завода. Может только сделать вид, что понял, в чем-то уступив, где-то лишний раз улыбнувшись. Многие люди, живущие на этой бесценной голубой жемчужине, так и остаются никогда не понятыми и оттого несчастными. В голове у него крутились разные несвязные мысли, периодически сплетаясь между собой.

«А что если и коммунизм, и капитализм — это две стороны одной и той же медали, а ее грань стала непреодолимой стеной между государством, корпорациями и народом, через которую невозможно перепрыгнуть, не упав и не разбившись о землю?» Джума Юсуф как-то внезапно понял: американская валюта, которую многие считают воплощением абсолютного зла, здесь совсем ни при чем. Проблема вовсе не в ней, пусть ею и насыщают рынок в таком невероятном количестве (вместо того, чтобы насыщать его товарами, как делал в своей Нумидии Седрисиласси), что это опрокидывает продвинувшуюся на два-три коротких шага вперед экономику в пропасть высотой с Ниагарский водопад. Поэтому люди, однажды узнавшие об этом и поразившиеся своему открытию, годы тратят на то, чтобы сломать несправедливую мировую экономическую систему — систему нового колониализма, чтобы снять розовый флер с Запада и его ценностей. И — ненароком вторя словам Саади, но, в отличие от него, не имея ни малейшего представления о философии, вспомнил тривиальную, как ему сначала показалось, мысль из книги Эххарта Толле «Сила Настоящего»:

«Ни одна война, ни одно кровопролитие, — думал он, — не способны даже на четверть йоты сделать более счастливой жизнь обычного, рядового землянина, того, который не принадлежит когорте бонз, жиреющих, как вши от крови, от предоставления государству кредитов, предназначенных на покупку им орудий “цивилизованного” убийства — оружия и техники. Чего я не понимал, так это того, что общество всегда испытывало потребность в потерях, войнах, катастрофах. Войны, голод, эпидемии, наводнения, цунами, землетрясения удовлетворяют определенные инстинкты: человеку просто необходим хаос, его непреодолимо тянет к дикому состоянию, возникающему из болезней, разрушения и смерти. Общество делает несчастную мину, характеризуя все это как великие трагедии, но никто — ни правительства, ни газеты, ни радио с телевидением — не преследует цель уничтожить зло. Наоборот, их миссия — научить нас с ним сжиться. Людям легче от того, что где-то далеко происходит что-то страшное, но происходит не с ними самими. А значит, пока другие страдают, меньше буду страдать я сам. Только поднявшись над мыслительным потоком, можно остановить гегемонию интолерантности, страдания и скуки, захватившую постиндустриальное человеческое общество. Человечеству может помочь только то самое альтернативное, предсказанное всеми великими пророками состояние цивилизации, при котором она как бы возвращается к первобытно-детскому состоянию, на самом же деле поднимаясь над мышлением как таковым... Ну почему я не с ним, почему я не на баррикадах за новый мир?!»

И тут раздосадованный было Джума вспомнил, как Седрисиласси долго настаивал, чтобы он, выбранный слепым жребием, продолжал борьбу в изгнании, если вдруг зеленая армия потерпит фиаско. Общему, постепенно приходящему в умиротворение настроению вторило и уцелевшее в его нагрудном кармане, героически пронесенное через всю Нумидию завещание:

«И даже если нумийцы не одержат победу быстро, она придет к будущим поколениям. Тот, кто сражается за свою страну, — герой. И напротив, тот, кто продает свою страну, — предатель. Я передаю слова прощания всем членам моей семьи, тем, кто верен Республике, и всем людям в мире, поддерживающим меня — хотя бы сердцем».

Он раз за разом перечитывал написанное рукой Седрисиласси, проговаривая попеременно то одну, то другую фразу — в зависимости от того, какая из них входила в резонанс с сиюминутной вибрацией его раскачивающейся на волнах бытия души, тем самым перетягивая воображаемое одеяло внимания на себя, точно замерзла, и для того, чтобы ее согреть, необходимо произнести вслух. Юсуф пытался вырезать текст завещания на глиняных дощечках памяти без малейшего искажения, на случай если покрытая сбивчивой фиолетовой вязью бумага превратится в пепел, как превращаются в него тысячи умирающих от пуль и снарядов, некогда таких живых людей, когда казалось, что ничего живей их взлетающих бровей, наливающих алой кровью губ, смеющихся глаз и протянутых рук на свете нет, а остальные двое, которым Седрисиласси передал копии завещания, канут в безмолвную Лету вместе с написанными рукой полковника копиями.

«Когда столько лет подряд бок о бок находишься рядом с человеком-легендой, каким является Седрисиласси, — начал размышлять Джума, — то отчасти даже становишься сотворцом его мифа. Только лишь наблюдать за его созданием, оставаясь далеко в стороне, вряд ли возможно. Как правы ученые, считающие, что наблюдение изменяет объект: система перестает быть смещением состояний и выбирает одно из них в тот момент, когда посредством редукции кванта происходит процесс наблюдения. Будто сама история пишется у тебя на глазах, а иногда — и твоими руками. Когда человек решает стать сотворцом эпохи, он превращается в подобие счетчика Гейгера, вскрывающего все ее минусы и плюсы, взаимодействуя с ней лишь самым незначительным образом, а эпоха, как самка богомола, согласная вступить с ним в биологический брак, в ответ лишает человека многого (в крайнем случае — жизни) взамен на это привилегированное право».

Джума Юсуф натолкнулся на целое звездное скопление поразивших его своей неожиданностью мыслей и начал перебирать в памяти разнообразные факты, связанные с полковником, останавливаясь на тех, которые знал всегда, но мало подвергал кропотливому анализу. Например, вспомнил, как Седрисиласси часто задавался очевидным на первый взгляд вопросом о том, что человеку нужно знать о мире и что он вообще, в силу несовершенства разума, в состоянии о нем узнать, причем размышлял об этом часами, потому что не мог найти удовлетворительного ответа. Многим вольным и невольным собеседникам полковника казалось, что Седрисиласси в своих поисках уходит слишком далеко. Его любовь к размышлениям на самые простые и оттого кажущиеся банальными темы, то, как он лихо закручивал свои суждения, его легкие искорки в глазах, когда он, чеканя по слогам, произносил имена Иммануила Канта или Артура Шопенгауэра, — все это ведь можно простить старику, простить то, что в дешевом бульварном романе кокетливо назвали бы «маленькими слабостями». Но простить статичность неискренности и лицемерия, заключенных в виртуальные аватары повседневности не самых последних представителей рода человеческого, Джума, наверно, не сможет никогда. Казалось, что роившиеся в голове у Юсуфа мысли кто-то разгонял в синхрофазотроне. Только кто это мог делать, если не он сам?

Командный пункт, руководивший наступлением на Летис, располагался в подвале отбитого у сил Седрисиласси полицейского участка на северо-западе города. Зазвонила лежащая в ворохе помятых служебных бумаг рация. На другом конце

воображаемого провода находился командир батальона, готовый сообщить начальству оперативную сводку. Батальон состоял из нескольких десятков разных по численности отрядов, разделенных наспех, без всякого строгого принципа. Эти отряды, как только в ставку пришла весть, что кортеж Седрисиласси обнаружен неподалеку от города, отправились по следу полковника. Находящийся в страшном эмоциональном возбуждении батальонный командир сообщил командованию о двух недавно убитых солдатах: факт их гибели как таковой мало кого интересовал, намного важнее было то, что напавшие на его людей адепты зеленого сопротивления с большой долей вероятности защищают Седрисиласси, но защищают не так, как остальные сторонники, а непосредственно. Ими Седрисиласси предположительно управляет лично, держась за чудом уцелевших после налета беспилотника как за «последнюю соломинку. Командир просил командование делегировать ему солдат — в районе Зуфран на южной окраине Летиса требуется, как минимум, еще несколько сотен человек. Он находился в полной уверенности, что «сидит у полковника на хвосте», а если у Седрисиласси и осталось какое-то убежище, то это «змеиное гнездо» находится очень и очень близко.

«Здесь не так уж и много строений, в основном везде пустоши. Он не уйдет, если к нам на подмогу отправятся еще два-три взвода, которые помогут перекрыть все ходы-выходы... Да мы будем не мы, если не сможем сегодня его прикончить... Самый ценный трофей, какой себе можно представить, — это сидящая в клетке старая крыса Седрисиласси...»

Теми двумя погибшими мятежниками были Саади и Абу. Шофер, сражавшийся вместе с ними, чудом уцелел. Патруль нашел его лежащим на ступеньках в крови — пуля задела шею. Раненый водитель пытался прикрыть Саади, но Саади так и не решился выстрелить. «Экзистенциальный ученик» Абу успел-таки ранить в ногу одного из часовых — не в пример наставнику. Он отстреливался одновременно с двух рук — это несколько отсрочило момент гибели. Чуда не произошло: двадцатилетнему юнцу не одолеть того, кто до войны служил в элитных войсках, охраняя казармы Эль-Хедо-Феррария. Он так и не смог снять оружие с предохранителя. Саади принял смерть с открытыми глазами — мужественно и кротко, а потом его тело, изрешеченное пулями, упало на раскаленный асфальт, и небо для него навсегда погасло.

Для Саади, как, впрочем, для любого истинного философа, последней пристанью в море неменяющейся повседневности служили размышления на самые простые и одновременно важные для любого человека темы: о жизни и смерти, материи и духе, о времени и пространстве, бытии и небытии, о бесконечности и пустоте, целом и частях, о границах человеческого «я» и иллюзорности его неоспоримого на первый взгляд существования — в общем, обо всем, что составляет общечеловеческие кровь и плоть, освещая непроглядные коридоры Вселенной лучом света и истины. Если бы Саади успел оставить завещание, он бы внес в него пункт, запрещающий проводить по нему обычные — с едой и питьем — поминки (хотя нет — ведь он ничего и никому никогда не запрещал, даже собственным убийцам), а попросил бы нас, негромко и ласково, подумать о том, о чем сам любил размышлять. После чего остановиться посреди комнаты на пару минут и замереть, как бы украдкой смотря на оконное стекло (лучше на закате, хотя неважно — если вы исполните его просьбу днем, ему будет вполне достаточно). Почему бы нам не сделать этого?!

«Как больно я больше не могу терпеть помощи мне Господи как больно невыносимо я сейчас умру а-а-а как больно не могу ни минуты терпеть это невозможно где же врачи откуда звуки это стрельба так по ушам бьет у меня все разрывается от

боли внутри я не могу больше терпеть милостивый Аллах если Ты есть ой какой спазм я лучше умру врача какая сильная боль еще сильнее не могу дышать а-а-а-а-а-а пожалуйста спасите меня я ничего не вижу не в силах рта открыть может я уже умер а-а-а-а-а-а-а-а невыносимо так больше страдать какая бессмысленная боль ну и кому от нее стало легче она никогда уже не пройдет а-а-а-а-а-а-а-а-а-а я умираю где это я откуда свет о боль отпустила как хорошо куда это я лечу где я что эта за воронка и свет откуда он как легко стало как спокойно внутри тепло кто это чье лицо я вижу Господь неужели это Ты наконец-таки...»

Часовые вернулись с вестью о победе над повстанцами. Спустившись в подвал, они сразу же бросились к Седрисиласси.

— Надо уходить, — с порога закричал раненный в ногу и проскакал по ступенькам вниз. — Мы попали в окружение. На нас напали трое. Сущие дилетанты. Мы справились, но... я просто уверен, что на наши поиски отправили не трех человек. Повстанцы где-то поблизости, а тем более мы еще и выдали себя стрельбой.

Выпалив слова с той же скоростью, с какой несколькими минутами ранее выпускал в Саади автоматную обойму, часовой вдруг упал на колени и скорчился от внезапной боли, испытав ее впервые с момента попадания пули, до того находясь в чарующе-сладком плену болевого шока. Его напарник молча стоял позади и кивал головой, боясь вставить слово. Будучи старше своего более словоохотливого товарища, он испытал перед бесстрашным Седрисиласси сильнейшее, доходящее почти до рабOLEпия почтение. Полковник, не оставив себе времени для раздумий, скомандовал:

— Мы покидаем город и отправляемся на юг. Связаться вряд ли с кем-нибудь получится, поэтому будем действовать самостоятельно, — и почти сразу добавил, вспомнив, что его речь должна воодушевлять лишенных средств передвижения, оружия, связи и продуктов питания, защищающих его до последнего вздоха, окруженных не ведающим пощады врагом солдат и офицеров: — Аллах велик! Победу одержат правые, а предатели будут жестоко наказаны. Каждый, кто погиб, защищая свою страну, герой. Тот, кто служит правде, получит награду.

Столпившиеся вокруг полковника люди похватили брошенные на цементный пол рюкзаки, заменявшие им стулья, и направились к выходу. Полковник, опустив голову, медленно заковылял в конце процессии. Впереди шли часовые. Получившего пулю в бедро теперь вели, держа под руки, как недавно контуженного Седрисиласси. Полковник снова мог передвигаться самостоятельно. Хотя его раны, как выявил осмотр, были достаточно глубокими: их обработали остатками одеколona и перевязали, после чего полковник проглотил таблетку обезболивающего. Почти насильно — на этом настоял косноязычный капитан, по совместительству бывший в отряде врачом. Часовые подали условный знак, что улица пуста. Тогда отряд поспешил покинуть темную утробу подвала. Воздух снаружи показался таким тяжелым и горячим, словно был намеренно подогрет.

Повстанческие отряды, посланные батальону на подмогу, надвигались на юг города. Тем, кто при штурме Летиса отправился на поиски Седрисиласси, командование приказало прибыть на площадь Эль-Магриб. Располагавшаяся в исторической черте города, Эль-Магриб скорее походила на расклевенную штанину модных некогда брюк, чем на привычную среднестатистическую площадь. В ее центре был установлен традиционный для исламской ойкумены миниатюрный полумесяц. На площадь со всех концов города съезжались джипы, внедорожники и пикапы: они тут же проходили что-то вроде регистрации около временного блокпоста. Регистрация продолжалась до тех пор, пока не прибыла вся собранная для поиска Седрисиласси техника. Об этом оповестили по громкоговорителю. Объявленные потери

за последний час составили двое убитых и один раненый. Вдоль и поперек занявшие всю площадь джипы непрерывно сигналили, а люди в них, вряд ли слушая друг друга, кричали. Эль-Магриб стала походить на древний макабрический ритуал. Даже между собой люди разговаривали как-то неестественно громко. Пришедшие в возбуждение от мысли о возможности совершить подвиг повстанцы расточительно дырявили небо. Это делали, конечно, не все: определенная часть понимала, что издавать шум — лишнее, хотя скопление нескольких сотен людей вряд ли в состоянии не выдавать собственного присутствия. Толпа была разъярена — голод, недосып и усталость отдельно взятого человека многократно усиливались и давали в совокупности выход гораздо больший, чем при простом сложении этих негативных чувств. Плюс ко всему определенный вклад в поголовный сумбур вносила многократно повторенная, вколоченная в глубины сознания лозунгами революционная пропаганда, за несколько месяцев добившаяся того, что бывший некогда отцом нации Седрисиласси превратился в подобие куклы Вуду, которая, как змея, ухватившая зубами собственный хвост, втыкает сама в себя гвозди. Поэтому для того, чтобы избавиться от неудач в индивидуальной судьбе, куклу эту, олицетворяющую судьбы всего народа, требуется как можно скорее сжечь. Но возможно ли так же просто сжечь воткнутые гвозди?

Западной пропагандой в сотый раз был использован подзабытый миф, согласно которому восстание детей против отца неизбежно. Формально оно оправдано тем, что отец начинает использовать их в качестве рабов, поэтому ставшие самостоятельными сыновья восстают, убивают тиранствующего отца и захватывают все принадлежащее отцу имущество. Имуществом в данном случае выступают природные ресурсы, та самая земля, которая некогда вступила с отцом в мифический брак. Миф о восстании также предполагает, что отец и мать живут только ради благополучия детей, поэтому если свергают отца, у земли обязательно должен появиться новый муж, выбор которого будет нести в себе сакральный элемент, как было в культе богини Иштар в древнем Вавилоне, причем в супруги богине каждый раз определяют кого-то из обычных смертных. Интрига сохраняется до конца, ведь никто не знает, кто окажется счастливым. А если у детей появится новый отец, значит, неминуемо случится новое восстание, которое повлечет за собой новое кровопролитие, бесконечное кровопролитие. Нельзя позволить нумийцам считать себя одним народом, да к тому же сплоченным бомбами иностранных завоевателей. Но сломить сопротивление целого народа разом — непосильная задача, а вот заставить поверить каждого отдельного индивидуума в то, что он виновен в пособничестве кровавому режиму и наказание неизбежно его настигнет, намного легче. Ведь тот, кто поверит в справедливость карающего его перста, заведомо обречен на поражение. Когда связи внутри группы распадаются, сопротивляемость каждого ее отдельного члена резко падает, и, наоборот, когда группу пытаются атаковать целиком, связь между членами этой группы становится более крепкой. Бойцам нужно внушить, насколько уязвимы их дома, залив гостинные и детские невинной кровью их детей и жен. В этом и заключается истинная цель всех воздушных налетов. Вселить в бойца уверенность в том, что человек, олицетворяющий для них сопротивление, убит, или навязчиво дезинформировать сопротивление новостью о том, что их лидер сбежал за границу или же пошел на уступки агрессору. Сила применяется только в психологических целях, как и беспросветная ложь, распространяемая СМИ: одна — более или менее точно (причем часто объектом атаки специально выбираются села, не нанесенные на карту), другая направлена на всех и каждого, ежечасно опровергая любую правдивую информацию из стана сопротивления, которая могла бы пошатнуть уверенность в выборе у тех нумийцев, которые ступили на тропу пособничества восстанию.

Выстрелы доносились поблизости. Это насторожило отряд, который медленно, перемещаясь от дома к дому, пытался покинуть ловушку Летиса. Решили прорываться в район Джахир или же — в зависимости от изменчивой ситуации — залечь на дно на окраине города, хотя оба варианта были одинаково небезопасны, поэтому выбор между ними казался столь же иллюзорным, как между повешением и гильотиной. Седрисиласси находил второй вариант более предпочтительным, потому что боялся встретиться с повстанцами на открытом пространстве.

Повстанцы, не разбиваясь на отряды, отправились на поиски Седрисиласси единым большим батальоном. Командованию только что сообщили, что сына полковника Мутаазима Седрисиласси захватили в плен и казнили. Ликованию нескольких сотен мятежников, услышавших об этом по громкоговорителю, не было предела: повстанцы стреляли в небо, обнимались, показывали грязными пальцами ч-образный знак победы.

Шум заметно усиливался. Двое солдат, которые только и делали, что всю дорогу шептались, неожиданно отделились от отряда и, набрав нешуточную скорость, скрылись в лабиринте переулков, оплетавших обгоревшие угли домов несимметричной паутиной. Танец их бегущих взмыленных тел возник словно лишь для того, чтобы показать: спасение бегством — наилучший в их положении вариант. Сплоченные войной одинокие души этих молодых бойцов были не в силах справиться с нервным напряжением: порыв к бегству родился в них непреднамеренно-безрассудно, а искра, оброненная ими, с легкостью могла дать разгореться пламени губительной паники. Седрисиласси закричал:

— Трусые, вы, как крысы, сбегаете с корабля. Пока еще не поздно, остановитесь! — и послал им вслед несколько крепких слов. Но отрезвить дезертиров не смог даже сильный бас Седрисиласси. Тогда полковник достал пистолет и несколько раз в бессилии выстрелил в воздух...

Повстанцы поклялись отомстить за убитых товарищей — Абу и Саади.

— Пес Седрисиласси сдохнет, а наши павшие братья умоются его кровью, — прокричал один из мятежников.

Площадь замерла в ожидании приказа. Ждать пришлось недолго — громкоговоритель оповестил бойцов ВРК о начале операции под условным названием «Загон бешеного пса». Выслушав план действий, многое в котором отдавалось на откуп батальонным офицерам, солдаты расселись по машинам, и Эль-Магриб опустела. Сначала мятежники выбрали не совсем верное направление. Они тешили себя надеждой встретиться с Седрисиласси и его людьми на открытом пространстве, ведь для того, чтобы обыскать все дома и подвалы даже одного пригородного района Летиса, им потребовалась бы уйма времени, и загон «бешеного пса» затянулся бы еще на несколько дней, а против этого выступало нетерпеливое руководство западной коалиции. Несколько минут кортеж повстанцев петлял по ложным маршрутам, но встреча с Седрисиласси все равно была неизбежной...

Автомобильный гул и разрозненные выстрелы раздавались все ближе. А в небе, как из ниоткуда, появилось несколько самолетов. Их так долго не было, что начало казаться, что больше не будет никогда... Седрисиласси укорял себя за то, что несколько месяцев назад не покинул Нумидию и продолжил сопротивление, не смог понять его роковую обреченность, втянул в войну тысячи людей. Самолеты и усилившийся шум, помноженные друг на друга, оказывали на отряд сильнейший деморализующий эффект, отчего люди, до того молчавшие, загомонили. В этом надрывном хоре невозможно было разобрать ни слова... Седрисиласси закричал во весь голос, вложив в него последние силы, а их после изматывающих месяцев борьбы осталось немного. Полковник приказывал солдатам скрыться во дворе,

входом в который служила небольшая кирпичная арка. Близкие к состоянию полной невменяемости, бойцы все-таки смогли вспомнить, что, передав командование компетентным и опытным военным, Седрисиласси редко отдавал такие приказы лично, поэтому они, если он все-таки решился взять ответственность за судьбу отряда на себя, должны исполняться без колебаний, и как-то неестественно быстро скрылись в перечеркнутой солнечными лучами глянцевого темноте арки. Она вела в спасительное пространство между почти полностью выгоревшими жилыми домами. Седрисиласси проковылял туда одним из последних. Двор, заваленный обгоревшей мебелью и почерневшими осколками кирпичей, оказался таким широким, что в нем хватило бы места еще для пары-тройки таких же отрядов. «Только бы убраться с глаз беспилотников, — размышлял про себя Седрисиласси, — а тогда уже я смогу принять осмысленное решение». По правде говоря, полковник плохо представлял себе, как нужно поступить. В сознание так и просилась мысль, что каждый дальнейший шаг приближает к смертоносной пропасти, а не отдаляет от нее. Вдруг в арке возник джип с красно-зелено-черным повстанческим флагом на боку. Мятажники увидели врагов, головы которых были похожи на одуванчики, висевшие на тонких стеблях шуплых тел, в тот момент, когда те, разбившись на тесные группки, спорили о дальнейших действиях, бесшабашно рассредоточившись по двору, и открыли, будто не ожидая сами, огонь. Двое бойцов сопротивления, находившихся к арке ближе остальных, упали — их оцарапало пулями. Поначалу последние защитники зеленой Нумидии мало что понимали (или понимали все, но не желали себе в этом признаться) и стали робко отстреливаться. Им повезло хотя бы в том, что большинство оружия было заряжено и находилось в руках или висело на плечах. Сначала неуверенно, а потом все более слаженно отряд заиграл пистолетно-автоматную симфонию. Силы оказались неравны. Прочесывавшие местность мятажники не ожидали, что все случится настолько стремительно: что столкнутся с целым отрядом на таком крошечном пятнышке и увидят до того виденного лишь на телеэкранах полковника Седрисиласси, недосыгаемо маячащего за спинами бойцов. Фигура раненого, окровавленно-грязного, сгорбленного Седрисиласси то появляется, то исчезает за непробиваемыми спинами, настойчиво мелькая неуязвимой тенью. Повстанцы наивно верили, что убить полковника будет не труднее, чем прихлопнуть муху, а теперь отрезвились и спасали уже собственные жизни. Джип попробовал откатиться назад, пядь за пядью осваивая сантиметры, приближающие его к тропе отступления. Водитель понимал: сразу рвануть в переулок нельзя — проходится не только обороняться, но и защищать уязвимый бензобак от огня. Но через полминуты пальбы из нескольких десятков оружий машина ВРК взлетела на воздух. Окровавленному человеку, от страха вжавшемуся в водительское кресло, вырваться, видимо, была не судьба: джипу, только он начал крениться вправо, угодили в покрытый тонким слоем металла бензобак, на протяжении всего боя служивший для зеленого отряда основной мишенью. Победителям ни на минуту нельзя было остановиться — хотя бы для того, чтобы просто перевести дух. Бойцы сопротивления верили своему лидеру, верили своей религии и, где-то в глубине души, в возможность победы, поэтому их, стоявших касаясь друг друга влажными от крови и пота спинами, было не так-то просто сломить. Глядя на этих отказавшихся от собственного «я» терпеливых людей, невольно хотелось верить в полезность разного рода мистических орденов, лож и братств, целью которых всегда служило отчуждение индивидуального сознания, чтобы затем, как бусинку, нанизать его на ожерелье одного большого метасознания. Хотелось верить, что люди по своей природе не камни, поэтому существовать отдельно друг от друга могут только до поры до времени. Вспоминалось, что изна-

чально мы все были братьями, но эта истина, отраженная в бесчисленных кривых зеркалах, ушла в песок, и на смену ей пришло слепое служение системам, основание которых лежит вне человека. То, чем они занимаются, напоминает блуждание по лабиринту, но ходят в нем не в поисках выхода, а все время возвращаясь назад, ко входу, который остался позади еще тысячу лет назад. Итогом такого сизифова труда всегда становится не достижение блага, а возвращение к той изначальной, забытой правде... Когда выстрелы стихли и дальние звуки стали раздаваться отчетливей, солдаты поняли, что неприятельский батальон находится от них на расстоянии вытянутой руки — отовсюду гремели рассерженные голоса обезумевших моторов. Эти звуки — тот самый мелкий шаг смерти, которая ненадолго замедлила у двери и рассматривает витиеватый рисунок висящего на ней фамильного герба, делая это не дольше минуты, потому что она ни перед чем не намерена останавливаться, и ни один мускул на ее лице не дрогнет, когда она своей костлявой рукой зачеркнет все то, что человек любил и ради чего жил.

Слышалось, как отдают приказы полевые командиры, выкрикивая их вперемежку с нецензурной бранью. Стоило только нащупать двор, где скрывается конечная цель операции «Загон бешеного пса», как несколько десятков хетчбэков и джипов, двигавшихся в разных направлениях, тесно прочесывая все улицы, стали сливаться, точно небольшие притоки, в русло полноводной реки. Повстанцы выжигали на своем пути все живое пулями и бомбами, хотя трава вполне могла вспыхнуть от их ярости. Люди попадались нечасто, в основном дети, женщины и старики, но стремившиеся не допустить потерь в своих рядах повстанцы все равно направляли в их сторону дула и метали гранаты. В небе истошно ревели подоспевшие самолеты, получившие приказ пока не сбрасывать бомб, а действовать лишь в целях устрашения. Бомбардировщики открывали бомболюки, и пламя в них съезживалось, собиралось в пучок, в цилиндрические оболочки бомб, а бомбы, как в мясорубку, втягивались через бомболюки обратно в самолет. «Они в призраков, что ли, стреляют, — думал полковник, — кто там может быть, когда мы полгорода пешком исходили и не встретили ни души?» Как тяжело зевнули горла минометов, готовясь к долгожданной встрече, попавший в окружение отряд слышать, увы, не мог. Кто-то закричал, но это был точно не голос полковника: «Уходим в проем между домами!» Крик вывел отряд из ступора. Седрисиласси подхватили под руки и понесли в узкий карман, образованный перпендикулярно стоящими домами. В него трудно протиснуться солдату, а машинам попасть вообще невозможно, невозможнее даже чем пресловутому верблюду в игольное ушко. Один из сопровождающих Седрисиласси нес в руках сшитые ниткой для ран разноцветные листочки бумаги: этикетки, картонки, обрывки упаковки. На них он писал дневник, который предназначался его матери, поэтому тщательно скрывался от глаз товарищей. Развитый физически, Мали имел лицо ребенка. В течение последнего часа он так расположил к себе полковника, как иные не располагали за несколько лет, хотя с Седрисиласси, запаявшим душу в металлический панцирь, сблизиться было очень трудно. Меньше чем за час Седрисиласси и Мали побеседовали несколько раз, да еще перекинув стрельбу и жужжание самолетных моторов. Те, кто прикрывал раненного в ногу полковника, последними скрылись в недоступном для света лазе. А уже через пару минут два неприятельских автомобиля въехали в полукружье арки. Выпускаемые из машин пули попали и в проем, хотя повстанцы сначала не догадывались, что бойцы сопротивления в нем укрываются. Там, где проем упирался в надбровные дуги улицы, уже сновали машины. А на пятки начали наступать обо всем догадавшиеся мятежники. Кое-где проем сильно сужался, кое-где расширялся, напоминая удава, занятого перевариванием кролика. Каждую секунду авто-

маты рождали десятки пуль, и за несколько минут могли оборваться десятки жизней людей, ставших орудием в руках неподкупной Истории, которая ни одну заслугу не принимает в расчет. Они как будто больше не считались людьми, и смерти этих представителей рода человеческого больше не воспринимались как смерти. Словно сотни миллионов жителей Земли разом натянули на глаза что-то вроде смертнепроницаемых очков: случись столько убийств разом в мирное время, все теле- и радиовещание заменили бы на одни экстренные выпуски, а всеми любимый Интернет просто обвалился бы в тартарары.

А может, смерть — всего лишь зимняя сказка, которую кто-то рассказывает, чтобы самого себя напугать, потому что так под одеялом станет еще уютней? Иначе никакого разума не хватит понять, ради чего умерло столько людей и кому это может быть выгодно. На свете просто нет настолько злого человека!

Отряд за несколько минут потерял семерых солдат, но все-таки на какое-то время пересилил наступающих на него сторонников ВРК. Образовавшейся паузы хватило лишь на то, чтобы обстреливаемые из всех щелей бойцы сумели продвинуться вперед на пару десятков метров, а затем стремглав юркнуть в другой проем, отходивший от основного в сторону. Миновали несколько сообщающихся друг с другом, будто перетекающих один в другой, дворов. Откуда тяжелораненый Седрисиласси нашел силы для бега, так и останется загадкой. Некоторые из бойцов знали, что направление, которое они вынуждены выбрать, уводит за границу города, а в черед дворов непременно должен возникнуть тот, который окажется последним. Двор этот был обнесен деревянным забором. За ним раскинулась, напоминая поверхность планеты, сильно отличающейся от Земли, безжизненная нумийская пустыня, разрезанная на кусочки отдельными, поставленными безо всякой заранее продуманной планировки строениями: по большей части некогда обитаемыми домиками и разного рода подсобными помещениями. Перебежать открытый участок между двумя небольшими бараками значило дать натовской авиации обзреть себя со всех сторон. Завидев отверстие больших дренажных труб, проложенных под дорогой, которую минуют все уезжающие из Летиса машины, Седрисиласси, искавший любое укрытие, чтобы поскорей убраться из поля зрения уже сумевшей один раз его достать авиации, почти без промедления командовал:

— Прячемся внутри труб. Мустафа аль-Джалал, я передаю командование отрядом и мысли о спасении собственной жизни тебе, да благословит нас всемогущий Аллах! Солдаты и офицеры! Не сделайте никакого трусливого дела! Не верьте никому и, сколько бы нас ни осталось, не сдавайтесь. Прощайте, если настал момент прощаться. Помните меня, помните ваших родных, перед своим прощальным часом недолго помяните меня. Спокойствие и мир невозможно купить, их можно только завоевать. Честной смертью погибать не страшно, но сгинуть в сырых тюрьмах замурованными в каменные стены или быть заживо сваренными на обед — хуже этого ничего нет. Как и нет на свете ничего такого, чего бы мы с вами боялись. Придет время, и все узнают, что такое наша жизнь, наша борьба и вера.

Единственной надеждой Седрисиласси и наполовину поредевшего отряда оставалось то, что давно не хлебавшие воды дренажные трубы соединены с подземными катакомбами, которые паутиной вьются под Летисом. Но абсурдность этого заблуждения заставила полковника подумать о том, о чем страшно пережить и мимолетной мысли: «Вот и ты, смерть!» Сновавшие рядом с ним израненные, промокшие от крови бойцы пребывали в таком состоянии, что все, на что они были годны, так это стрелять в направлении малейшего шороха, будь то мирно летящая

птица или поднятые ветром куски тяжелого, слипшегося в комья обгорелого мусора. Даже получивший полномочия руководить сопротивлением Мустафа аль-Джалал ощущал обреченность ситуации не так глубоко, как мучительно, до шемящих спазмов в груди, понимал ее Седрисиласси. «Они не посмеют убить меня, — пронеслось у него в голове. — Неужели они не пощадят того, кто дал им свободу, которую их предки дожидались веками? Лучше я сдамся в плен, чем погибну здесь, в этой грязной трубе, как последняя крыса. Мировой трибунал будет на моей стороне. Когда же я наконец расскажу, как мир превращался в одно большое лицемерное закулисье, где теперь царят жестокость, равнодушие и глупость, а судьбы миллионов давно уже никого не волнуют. Даже если я много лет просижу в тюрьме, освободившись, я все равно продолжу сопротивление. По крайней мере, это все равно лучше, чем погибнуть от пули и лежать, распластавшись, на дне дренажной трубы».

Аль-Джалал приказал рассмотреть трубы изнутри и выяснить, действительно ли водоотводная система ведет в подземные катакомбы. Оказалось, что она завалена мусором и колючими спрессованными ветками, расчистить которые значило потерять те спокойные минуты, которые остались до встречи с несущими смерть повстанцами.

— Ничего, — неожиданно закричал Седрисиласси, — выхода у нас нет. Глубже забираемся в трубу, и да хранит нас Аллах!

В ответ полковник чуть ли не впервые в жизни услышал, как отовсюду стали раздаваться отказы, которые сливались в единодушное «нет». «Мы будем охранять вход, а вы забирайтесь в трубу и ложитесь на землю», — преодолевая стеснение, несколько несдержанно прокричал в сторону Седрисиласси вечно робеющий часовой. «Братцы, давайте биться до последнего вздоха!» — тише заголосоил другой. Седрисиласси чуть было не заплакал, пока его вели под руки по направлению к сияющей чернотой трубе, но, слава богу, сдержался. Он без лишних слов вежливо одернул руки и скрылся внутри. Перед ним, заслоняя отверстие извергавшего смрадный запах укрытия, расположились готовые защищать Седрисиласси, покорно подставившие истощенные тела смертельному огню бойцы. Тем временем из-за возвышающихся над пустыней обугленных, полуразрушенных домов показалась аляповатая процессия, состоявшая из захваченных на военных базах камуфлированных джипов и хетчбэков. Были в ней и отнятые у мирного населения массивные внедорожники, и предназначавшиеся для размещения противоракетных комплексов грузовики. Но даже этого против всякого закона добытого транспорта не хватало, и наименее везучая часть подкрепления плелась за кортежем на своих двоих. Если бы не заминка, возникшая при размещении прибывших повстанцев по машинам, то солдаты ВРК настигли бы отряд Седрисиласси раньше. Но сейчас у сопротивления имелось даже некоторое преимущество. Несмотря на то, что их зажали в углу, дренажная труба способна сыграть роль если не надежного укрытия, то, по крайней мере, временной преграды, но только при условии, что огонь не будет вестись безрассудно и отчаянно, а гранаты и мины не протиснутся сквозь тела в тесное пространство водоотводного сооружения. Тот, кто располагался внутри, мог занять место у ее стенок, тем самым оградив себя от прямого попадания пуль.

Труба, расширяющаяся по направлению к собственному центру, напоминала лежащий на боку вытянутый бочонок. Повстанцев от Седрисиласси отделяло не больше полусотни метров равнодушного к войне и природным катаклизмам песка. Перестрелка продолжалась долго, и никто, даже те из мятежников, кого оставили в резерве и бросили на подмогу позже, не мог ни на сантиметр склонить таинственную чашу смерти в сторону противника. Гибли медленно, хотя мятежники несколь-

ко быстрее — в основном те несчастные, кто для прикрытия использовал то и дело взлетающие на воздух, беззащитные против пулевого огня автомобили.

Все время, пока гремел бой, Седрисиласси, прижавшись спиной к колючим ссохшимся веткам терновника, пытаясь остановить расцветающие в уголках глаз отчаянные слезы, беспокойно молился: «Спаси нас, Господи, прости нас. Господи, вразуми всех сошедших с твоих троп, вознагради героев и покарай предателей». Молитва превращалась в навязчивое повторение отдельных слов и слогов: как у зверя, загнанного охотниками в самый дальний угол норы, мышление тяжелораненого Седрисиласси постепенно теряло все свои логические связи, даже самые простейшие. Полковник будто боялся всматриваться в глубины поглотившего его пространства. Каждую секунду его пронзала новая душевная боль, от чего он все отчетливее стал понимать, что не в силах расшифровать и тысячной доли всех тех миллионов начал, которые лежат в основании мира. Безумно смешным, уничтоженным, не понимающим прежде других собственную душу, уменьшившимся до размера песчинки увидел он себя, эдаким заводным механизмом, которому позволено лишь на короткий миг раскрыть свою пружинку, и то не больше, чем на одну сотую ее длины. Видение длилось всего лишь несколько секунд: он нашел себя на вершине высокой горы, а под горой простиралась бездна, в которую разом вместились все бесконечное бытие — оно как будто приняло в свои объятия все рождения и смерти. Приглядевшись, он увидел, что внизу нет ничего, кроме одного большого бледного подрагивающего лица, на губах которого мелькает таинственная улыбка, улыбка одновременно удивительная и чудовищная.

Седрисиласси все никак не мог закончить тревожную, похожую на гонимую ветром, то затухающую, то опять накачивающую на берег волну молитву. События из прошлого проносились перед его глазами, будто сцены из виденного в детстве, но напрочь забытого фильма. Осознать то, что все давно и неизбежно шло к вторжению в его родную страну, Седрисиласси смог лишь сейчас, в эти грозящие разверзнутой могилой абсолютного небытия минуты. Седрисиласси часто напоминал миру, когда развенчивал миф о справедливости царящих в нем порядков, о полусотне бессмысленных войн, которые большие страны вели против малых и бедных, о том, как сильные, следуя закону джунглей, не брезгают покушаться на природное богатство слабых, чтобы тот, кто на короткое время становится у власти, смог умаслить избравших его людей. А в случае, если не оправдает их надежд, он жертвует лишь собственной репутацией, и не более, когда, будучи не в состоянии поддерживать экономику более-менее цивилизованными способами, начинает раздувать финансовые пузыри путем грабежа под прикрытием защиты прав и свобод. Все, что сейчас занимало Седрисиласси, казалось так одновременно верно и трагично, что он перестал понимать, для чего таким же осенним утром много лет назад родился на свет. Когда он уйдет из жизни и его личная история навсегда погрузится в небытие, многие так и продолжают считать, что он вел жизнь тирана и отступника, своенравного, жестокого и неверного своей религии. И лишь немногим удастся прикоснуться к правде.

А пока силы защищающих его людей таяли на глазах. Меньше десяти минут боя унесли жизни восьми бойцов сопротивления. Враждующие стороны нечасто воюют с открытым забралом: бой редко ведут без помощи искусственных преград в виде домов, окопов или на худой конец деревьев, а иначе война стала бы еще в сотни раз безжалостней. Мали погиб от двух попавших ему в живот пуль. Одна прошла желудок, от чего боль он пережил такую, какую большинство людей ни разу в жизни не испытывали. Но бесстрашный юноша продолжал сражаться до тех пор, пока его, шатающегося, не настигла вторая пуля, радостно досвистевшая до

своей беззащитной цели. Мали всегда мечтал о том, чтобы когда-нибудь, один только раз, хотя бы кто-нибудь остановился в продолжение своего долгого и, как он искренне надеялся, счастливого дня и вспомнил о нем, хотел, чтобы кто-то просто о нем помнил. Пока Мали превращался в дымку на горизонте времен, окропляя вековой песок полной жизненных соков кровью, мятежники, к ужасу соратников Седрисиласси, приняли в свои ряды очередное, отозванное из временного тыла подкрепление. Его составили полсотни снаряженных наспех солдат. Бойцы сопротивления, видя, как бок о бок с ними падают, окрашивая землю красной, как закат перед холодным ветреным днем, густой кровью, их товарищи, не только не намерились сдаться и сохранить себе жизнь, но, как некогда бесстрашно-преданные царю Леониду спартанцы (и многие-многие другие герои, благослови, Господь, их души), как только могли, старались взять верх в заведомо обреченной битве. Минуло еще двадцать минут сражения — и ни одного из защищавших Седрисиласси не осталось в живых. Полковник, у которого смерть забрала полсотни молодых, по-отечески любимых солдат и офицеров, терял мужество и присутствие духа. Сидевший в мокрой пасти дренажной трубы человек был уже не он. Когда, извиваясь от судорог, рухнул на землю последний защитник старого режима, съездившегося до размеров грязной дренажной трубы, мятежники, ряды которых поредели на треть, устроили нечто напоминающее обряд празднования. На фоне покореженных, взлетевших на воздух машин и нескольких уцелевших, напоминающих скорее гигантские, измазанные в томатной пасте дуршлага, это дикарское ликование выглядело удручающе-тошнотворным. Песок, шуршавший под дергавшимися в истерическом экстазе ногами, походил на ковер, вытканый из толстых красных нитей. Изуродованные тела лежали в самых неправдоподобных, какие можно только представить, позах. Их увидевшие смерть лица вряд ли бы позволили убитым непоправимым горем матерям узнать своих детей. Казалось, что на их хрупких тельцах была не одежда, а нахлобученный сверху какой-то неканонический американский флаг. Опомнившись, некоторые из мятежников стали обыскивать тела убитых защитников последнего бастиона Седрисиласси. Гуадама водил глазами по траектории каждого их шага, а те из них, которые совершались повстанцами в направлении ко входу в трубу, полковник встречал скрежетанием за грудиной.

— Никого, кто мог бы отдаленно напоминать старую крысу Седрисиласси, — закричал, обращаясь к не принимавшей участия в праздновании, составляющей батальонное командование группе, видимо обсуждающей возле остатков автомобилей дальнейшую тактику, загорелый лейтенант. Всем своим видом он демонстрировал гордость от того, что принял участие в последнем бое.

— Он прячется в трубе, — ответил холеный командир батальона. Он руководил сражением из укрытия по рации, а сейчас как ни в чем не бывало стоял, сохраняя первозданную прилизанность военного мундира, возле оставленной в отдалении от эпицентра сражения широкой, заплесканной грязью машины класса luxury, которая служила транспортом для новоиспеченного, но уже успевшего опереться руководства. Чтобы пробиться через голоса и добиться, чтобы его услышали, командиру пришлось изрядно напрячь затомившуюся без дела глотку, от чего агонизирующий, оглушенный шрапнелью, теряющий последние маяки в море окружающей действительности полковник расслышал его скрежещущий, точно украденный у телеги голос. Ниточки надежды на спасение выскользнули из рук, а сами надежды рухнули, как некогда стены Иерихона под натиском труб. О смерти Седрисиласси в тот момент уже не помышлял. Полковника больше пугало ожидающее его пленение: сердце вжалось в грудную клетку и перестало ощущаться родным.

— Держите автоматы начеку, — сказал загорелый и, поразмыслив несколько секунд, передал карабин в руки тех, кто должен отправляться внутрь трубы. Командир наугад назначил для этой цели двоих — двадцатилетнего прапорщика, носившего трофейную форму Нумидии, и бойца повеликовозрастней, без знаков различия на одежде, в спортивном костюме.

— Не стреляйте, не стреляйте, — раздался сдавленный крик Седрисиласси, как только мятежники, неуклюже переступая через тела павших бойцов сопротивления, коснулись влажного от крови и стоялой воды рыжеватого песка внутри.

Одетый по-спортивному поднял было вверх автомат, но его вынужденный напарник твердым движением руки не позволил открыть огонь.

— Не стреляйте, — еще раз повторил Седрисиласси не своим, практически потерявшим грудную опору голосом.

— Неужели это Седрисиласси? — спросил, поворачиваясь к напарнику, боец постарше. И, не дождавшись ответа, уверенно скомандовал: — Выходить по очереди с поднятыми руками. Сколько вас там?

— Один, — еще тише, чем говорил до этого, пролепетал обессиленный Седрисиласси. — Я ранен и не могу идти.

— Брось оружие к моим ногам, — оборвал Седрисиласси на полуслове одетый в спортивный костюм. Он сообразил, какая крупная рыба повисла на его крючке, и стал вести себя еще более развязно, чем привычно вел. Тщеславие в нем росло, как на возвращенных в агар-агаре дрожжах, ведь теперь он был ни много ни мало тем, кто первым получил власть подчинить своей воле «бешеного пса».

— Седрисиласси у нас, — театрально произнес обладатель трофейной формы, обращаясь к тем, кто еще не успел пересечь воображаемую линию, отделяющую внешнее пространство трубы от внутреннего, а те незамедлительно донесли эти три незамысловатых долгожданных слова до остальных мятежников, которые находились в окружении дымящегося покореженного металлолома. Они стояли, доверив пуды уставшего веса собственных тел изрешеченным пулями кузовам все еще сохраняющих мало-мальскую способность к езде автомобилей. Мгновенно последовал восторженный выкрик, за ним второй, третий. Раздалась усиливающаяся чечетка автоматных выстрелов. Новоиспеченные победители решетили небо, умудряясь стрелять не выходя из машин, просунув автоматы в окна. Командование ладило сбитую звуковыми вибрациями взрывов рацию.

— Покажите его нам! Давайте сначала посмотрим, а потом прикончим, — споткнувшись о случайную рифму, дергано, успев проскакать по всем высоким и низким нотам, на какие только способен его голос, пропел на манер нашида один из коптившихся в автомобилях.

— Я задушу его! — закричал другой.

— Парни, успокойтесь, Седрисиласси у нас. Это победа! — сделал робкую попытку погасить разгорающееся пламя гнева устроившийся на песке грузный капитан и взорвал автоматное конфетти у себя над головой.

— У меня нет оружия, — ответил, то ли не желая расставаться с пистолетом, то ли вообще забыв о нем, Седрисиласси.

Только по рядам мятежников разнеслась весть о том, что в дренажной трубе находится Седрисиласси, пространство перед ней вобрало в себя жаждущую мести толпу. Ополумевшие повстанцы наступали на тела сверху, даже не стараясь ступать на островки бурого песка между ними. Тут и там раздавались хлюпающие звуки — это хлюпала кровь от того, что некоторые мятежники случайно спотыкались и падали сверху на безжизненных сторонников Седрисиласси. Помявшись так на месте еще около минуты, толпа наконец-таки скрылась в темноте. Седрисиласси

сидел на песке примерно в трех метрах от горловины канализационного сооружения, вжавшись спиной в колючий утрамбованный мусор. На его грязном потном лице застыла маска неизбывного ужаса, а полуоборванные нити мыслей трескались под тяжестью цветных вспышек, которые загорались тем ярче, чем нагнетался страх. Неведомые силы подняли обмирающего полковника с земли, больно ухватив под мышки, а затем, точно хрупкую птицу из окровавленных тенет, выволокли из трубы в царство колючего дневного света. Пройдя несколько метров, он рухнул в обморок в самую сердцевину обступившей со всех сторон толпы. Мир вокруг превратился в лишенную пространственных измерений черную точку, а потом, схлопнувшись, исчез совсем. Бессознательное состояние продолжалось недолго. Уже секунды спустя Седрисиласси вернулся в себя, после чего непонимающе, щуря заплывшие от гематом глаза, осмотрелся окрест и сказал, не обращая слова к кому-то конкретному:

— Я не могу встать, поднимите меня.

Несколько рук оторвали Седрисиласси с земли, и толпа двинулась дальше, по направлению к горящему автомобильному царству, чьи державные купола блестели на солнце топорщившимися горами покореженного металлолома. Всего три шага — и полковник снесен с ног поцелуем приклада в лицо. Бездна. Оклемавшись, изнывающий от боли полковник обнаружил, что место на скуле, принявшее на себя всю силу подлого удара, густо покрылось кровью. Он принялся останавливать ее ладонью, подспудно ожидая следующего удара.

— Вы вообще знаете, что хорошо, а что плохо? — что было сил завопил он.

Толпа не ответила, но разозлилась еще больше, чем прежде. Удар кулаком в висок.

— Больно, — пролепетал падающий на колени полковник, — очень больно.

Мятежники загомонили в ответ, и Седрисиласси отчетливо расслышал отдельные оскорбления. Полковник последними стойкими к разрушению участками своего оплывающего рассудка вспомнил, что, когда вели на Голгофу Иисуса Христа, стоял точно такой же день, как сейчас, и, следовательно, все происходившее в прошлом имеет отношение к настоящему и к нему самому, потому что прошлое непрерывно, как само человеческое существование. Смерть от рук собственного разъяренного народа всегда казалась такой невозможной для братского лидера Седрисиласси, что полковник даже после того, как мятежники посадили его на капот открытого «виллиса», ни на секунду не задумался о ней. Чего он тогда боялся — это упасть с набирающего ход внедорожника, угодить под крутящиеся круги колес, получить такую ненужную ему сейчас травму и, не дай бог, загнуться в облаке выхлопных газов и пыли от болевого шока. Да и попасть под огонь своих бойцов, если те попытаются отбить его у повстанцев, тоже не было верхом его мечтаний.

Костлявое дуло впилося в его висок, а на ребра напирала рукоятка автомата. Кровь от удара прикладом и не думала прекращать струиться. Лицо полковника в ту минуту напоминало резиновый детский мячик, склеенный из красной и белой половинок. Разрозненное шевеление толпы сливалось в общий безрадостный фон, который, впрочем, так мало волновал его, что через какое-то время полковник совсем перестал его замечать. Другое дело — длинные, задевающие до глубины души, неподъемными камнями летевшие в него колючие фразы. Седрисиласси в ответ на них то и дело кричал «харам». После очередного такого не возымевшего ни малейшего эффекта «запрета» лысый, ухмыляющийся, вороватый на вид повстанец вытащил из кармана коричневого маскировочного костюма массивный английский револьвер и ударил полковника резной рукояткой в лоб.

— Харам, — закрывая глаза, от бессилья завопил трясущийся Седрисиласси. — Харам ислам, харам!

— Грязная тварь, ты сейчас получишь — кричать мне «харам», — услышал Седрисиласси в ответ и, боясь попасть под горячую руку, отвернулся в сторону.

— Харам ислам, — еще раз обратился к мятежникам полковник. — Харам.

Седрисиласси до последнего полагал, что все-таки услышит от линчующих его повстанцев, в чем же обвиняют его простые нумийцы, а такие в разношерстной вавилонистой толпе были не в меньшинстве. Только какого ответа можно ждать от вошедшей в кровавый экстаз, обкуренной гашишем, послушной любым манипуляциям человеческой массы?

Случился еще один удар, после которого Седрисиласси окончательно потерял последние пожитки рассудочности — они скрылись в потоке нарастающей боли. Джим тронулся с места, но поначалу двигался медленно. Рядом с ним брели те, кому не хватило мест в уцелевших автомобилях, направляя в полковника свои смертельные автоматы. Процессия, осмотрительно огибая заслонявшие ей путь постройки, добралась до поворота, соединяющего широкий пустырь, беззащитный для всех ветров и солнечного света, с узкой проезжей улицей. Все происходившее выглядело таким странным, что не нюхавшему пороха войны человеку со стороны показалось бы, что все принимающие участие в боевых действиях не вполне психически здоровы. Небо, прежде ясное и высокое, затянуло тучами. Горизонт залился свинцовым цветом, поднявшийся некстати ветер нес соленый морской воздух. Не прошло и минуты предательски медленного времени, как из-за домов показался отряд, одетый в зеленую форму сопротивления. На том незначительном расстоянии, какое разделяло два разъяренных отряда, залитое кровью лицо Седрисиласси, примагнитившее к себе все имеющиеся в распоряжении повстанцев автоматы, невозможно было не заметить.

— Там полковник Седрисиласси, — крикнул стоявший на передней линии огня молодой высокий боец и отнял от груди прижатый к ней короткоствольный автомат.

— Осторожней, — раздалось ему в ответ, — стреляйте осторожней!

А в это время приветствовать защитников Нумидии отправились первые пули. Один из солдат рухнул на спину, хватаясь руками за простреленный живот. Были сбиты с ног еще несколько принявших огонь на себя бойцов.

Зеленый отряд из нескольких десятков человек не был готов встретиться лицом к лицу с целым батальоном, к тому же поставленным на колеса и вооруженным минометами. Седрисиласси наклонил голову, протискивая ее через решетки дул, прижимая к онемевшим коленным чашечкам, и закрыл лицо руками, хотя это не могло защитить от вездесущих металлических мух. Пули летали так близко, что полковник тысячу раз представил смерть, но она все не приходила. Тем временем силы, агонизирующие в судорожной попытке вырвать из лап повстанцев братского лидера, исчезали на глазах. Они и лежали тут же, но уже мертвые. Последние из оставшихся в живых не спешили окунуться в ледяную купель смерти и, чтобы не мочить пятки в воде небытия, бросились врассыпную. Одного пуля все-таки достала, жадно поцеловав в шею, остальные, будто заметая следы клубами непроглядной пыли, скрылись в железобетонном лесу. Над головой пуще прежнего загудели самолеты. То ли они снова принялись сбрасывать на город бомбы, то ли за глухие разрывы снарядов был принят колеблющийся от раскрывающихся грозных роз воздух. Неужели им не стыдно перед таким тончайшим и сладостным эфиром, перед занавесом Бога, ломать столь дешевую комедию?

— На кой они нужны, чтоб мы их догоняли? Едем дальше, — не дожидаясь приказа, возмутился сидящий позади Седрисиласси.

— Поехали, — отозвались сразу несколько бойцов.

Старенький громкоговоритель окончательно вышел из строя после попадания в его рупор гранаты, посему приказы руководства без устали гомонящие мятежники передавали из уст в уста. Очередная победа не праздновалась — слишком уж огромная рыба попала на крючок, чтобы вот так просто взять и позволить ей сорваться. За месяцы войны у адептов революции укоренилось четкое убеждение в том, что Седрисиласси в огне не горит и в воде не тонет, представляя собой феномен полной неуязвимости для смертных. Желание как можно быстрее доставить Седрисиласси в штаб стало общей мыслью многих, причем по тем же мозговым каналам плыла жажда немедленной расправы. Один из теснившихся в пучине заднего сиденья, как пчелиные соты, облепленного людьми джипа ударил Седрисиласси кулаком в купол затылка, но не со всей силы, какую мог вложить в удар: внедорожник трясло и подбрасывало на кочковатой, изрешеченной артиллерийскими снарядами дороге.

— Это харам, я пленный! Харам! — оборачиваясь, закричал на обидчика Седрисиласси.

— Заткнись, — раздалось слева. — Заткнись, или я тебя прикончу.

Истекающий кровью полковник перенес короткое падение в обморочную пропасть: то ли обессилев от кровопотери, то ли от самого удара в затылок, то ли от поношения. Когда сознание (а с ним и душа) вернулось на место, полковник ощутил, что привычная боль в ногах стала иной. В ранах, которые осколки шрапнели оставили на бедрах и голених, уже успели завестись колонии бактерий синегнойной палочки. Они оказались непреднамеренными (и главными) свидетелями того, что сейчас происходило на Земле, в галактике Млечный Путь нескончаемой Вселенной.

Повстанческий отряд, который отправился кортежу на помощь, встретил батальон ливнем злорадного ликования. Пальбой и оскорблениями мятежники приветствовали полубессознательного Седрисиласси. Стопки канализационных люков и дотлевающих покрышек, взорванные, сваленные друг на друга машины, груды камней и песка, служащие прикрытием, — одним словом, все, что остается от беспощадной городской герильи, вместе с людьми, сновавшими в этом змеином ворохе, разносили весть о поимке полковника дальше и дальше. Когда колонна автомобилей медленно въехала на главную площадь Летиса, на ней ее уже поджидала ревущая пасть толпы. Она была образована тремя добровольческими отрядами, в боевых услугах которых командование теперь не ощущало никакой нужды.

— Убей Седрисиласси, убей Седрисиласси! — услышал полковник сквозь завесу странных голосов, некоторые из них появлялись и затухали в нем самом. — Собаке — собачья смерть! — Полковник приоткрыл глаза, пытаясь оглядеться. Он не был в состоянии видеть многое, но кое-что из того, что творилось на площади, Седрисиласси все-таки сумел ухватить узкой полоской взгляда. У некоторых на груди висели обрывки картона с нарисованными наспех плакатами. Их содержание было под стать самому картону (им прикрывали груды трупов, чтобы их не смогли сфотографировать с вертолетов представители гуманитарных организаций) — не менее грязное и отвратительное.

Командир батальона скомандовал не задерживаться на площади и продолжать движение. Тогда менее рассерженная часть оравы, повинувшись призывам с автомобилей, расступилась, дав кортежу простор для маневра. Рулевые разом прибавили газу, что, впрочем, не помогло спастись от отдельных, особенно обезумевших сыновей толпы, которые принялись раскачивать машины и запрыгивать на капоты.

В хвосте процессии продолжали плестись те, кому не досталось мест в автомобиле. Им пришлось перейти с быстрого шага на бег, но это не спасло от засасывающей в себя толпы. Седрисиласси еще раз окинул площадь взглядом, после чего закрыл глаза.

«Эти люди... Они мои дети, — стал убеждать он себя, — они мои больные, заблудшие дети». Но в ответ на попытку примириться с уменьшившимся до размеров городской площади миром он слышал явно недетские крики ненависти и недвусмысленные призывы к расправе. Кортёж свернул с дороги в узкий переулок, на который нависали кирпичные космы невысоких, наполовину обрушившихся зданий. Он заканчивался небольшим, перерезанным минами пустырем. Паутиновый рельеф пустыря запросто мог сгодиться для съемки лунных хроник: воронки, доходившие до нескольких метров в глубину, образовывали подобие лабиринта. Седрисиласси, мало-мальски очнувшегося от неподконтрольного ему бреда, взяли под руки и силой поставили рядом с джипом. Повстанцы вывалились наружу из дымящихся машин и тут же окружили еле-еле держащего равновесие полковника. Он едва понимал, что происходит. Крики мятежников не утихали. Повстанцы, как голодные псы на брошенную им кость, накинулись на полковника. Они хлестали его по щекам мозолями грубых ладоней и иступленно били прикладами.

— Харам, — еле-еле прикрикнул на них полковник, — харам, харам ислам!

Измывания продолжались не больше пяти минут, но Седрисиласси пребывал сейчас в таком состоянии, точно на его внутренних часах запутались стрелки, свившись в колдовской змеиный клубок, от чего время со страшной скоростью помчал его в какую-то темную спиралевидную воронку. Когда между ударами возникал короткий, как выдох, просвет, полковнику казалось, будто он находится в другом месте и даже не в этом дне, — выступает на площади перед людьми несколько месяцев тому назад, в самом начале войны. Седрисиласси получил, как минимум, двадцать четко разделенных по времени ударов автоматными прикладами, которые повстанцы наносили куда только было возможно (хотя, может, эта «рассеянность» ударов и помогла полковнику остаться в живых), и бесчисленное число пощечин, которые несколько смягчались наклепанным на лицо слоем грязи, смешанной с загустевшей кровью. Седрисиласси все еще держался на ногах, усилием воли не позволяя болевому шоку перейти в свою вторую фазу, когда угнетается дыхание и замедляется пульс, а боль продолжает засасывать в свое одномерное измерение.

«Сейчас все это кончится, только нужно потерпеть, и мне станет легче, — думал он где-то глубоко внутри себя. Это все равно что боль в животе, когда кажется, что терпеть больше нет сил и ты бы лучше умер, чем испытывать такое, но потом она проходит, а ты остаешься прежним». Пробивавшие безумие ростки оптимистичных мыслей успокаивали полковника и придавали сил сражаться за превосходство жизни. Вера, окончательно заслонившая рассудочную часть его существа, вызвала в душе Седрисиласси сонм светлых воспоминаний, и мрак, скрывавший ослепительную корону мирового Солнца, был побежден светом, который разлился по его сознанию. Жизнь показалась на мгновение чем-то намного большим пространства между простреленными насквозь невысокими домами, будто какая-то сила окунула его в океан абсолютного и неделимого блаженства. Длинноволосяый обезумевший юнец с жидкими усами на вытянутом лице пробрался через толпу вперед, молниеносно приставил к виску Седрисиласси пистолет и... убил его.

— Что ты делаешь? — завопил от неожиданности ухвативший полковника под левую подмышку офицер.

— Харам ислам! — закричал умирающий Седрисиласси и стал медленно валиться на бок.

Державшие полковника под руки ослабили хватку, и Седрисиласси упал на землю лицом в дождевое месиво.

— Не стреляйте больше! — раздался крик батальонного командира, который в пытках не участвовал, стоя в небольшом отдалении. — Прекратите! — почти вопил он, обычно своим спокойствием уравновешивавший безудержный повстанческий пыл. Сначала командир не мог себе даже представить, что Седрисиласси мертв, настолько быстро все произошло. Убийца отбежал от товарищей, сорвал с шеи флаг и принялся им размахивать.

— Седрисиласси мертв, — разносилось среди мятежников.

— Седрисиласси мертв, Аллах акбар! — негромко крикнули из толпы.

Вскоре за этим брошенным в толпу робким криком последовали другие, на разные лады повторяющие первый.

На пустырь стала валить толпа: в ней были и те пешие солдаты, которые тщетно силились угнаться за кортежем, и другие — то ли повстанцы, то ли не пойми кто, снующие взад-вперед и поголовно вооруженные. Купающееся в грязи, затоптанное ботинками багровое тело Седрисиласси завело толпу, и она разразилась автоматным фейерверком. Окровавленный труп Седрисиласси подняли на руки, окунули головой в затопленную ливнем воронку, затем снова взметнули. Несколько человек, без усилий выиграв у расслабленно-беспечных товарищей схватку за трофей, схватили полковника за руки и потянули сквозь частокол ног. Но оттащить его далеко им не удалось: тело полковника застревало в буреломе конечностей. Каринно окунув Седрисиласси в дождевую пену еще несколько раз, мятежники взвили его над головами. Труп истерично трясли, опускали к земле, пинали, били прикладами; правый глаз у Седрисиласси вытек, а на щеке образовалась зияющая дыра с неровными краями. Но не раздиралась завеса в храме; и не потрясалась земля; и не отверзались гробы усопших; и не воскресали тела святых, потому что и храм давно превращен в торговый центр, и у святых могил нет, а земля насквозь пропитана радиоактивным ядом. Только одна сильная мира сего, получив сообщение о том, что полковник уничтожен, рассмеялась. Смеялись и в других высоких кабинетах. Даже Сатана рассмеялся на небе — громче всех.

А тем временем Седрисиласси на белых лошадях уносился в небо. Сначала его охватила грусть, как часто бывает перед дальней дорогой, когда приходится уезжать оттуда, куда ты больше никогда не вернешься. Остается один день, чтобы в последний раз пережить то, что вряд ли когда-либо еще испытаешь. Ты ложишься вечером спать, а утром просыпаешься рано, еще до рассвета, спешно собираешься, как будто бы и не замечая естественного волнения, и особенно стараешься не выдавать его тем, кто рядом. Только бы все не закончилось слезами! Неважно, что в конце дороги тебя ждет иное и, хочется верить, большее счастье. И вот ты уже собрался и готов отправляться в путь, а сердце колотится, но тебе определенно нужно ехать. Ты не можешь упасть на колени, расплакаться и попросить остаться еще. Ты начинаешь мысленно прощаться со всем, чем так долго и беззаботно наслаждался. За окном еще не рассвело, но вечных звезд уже не видно. Ты смотришь в окно, потом, перебарывая себя, пытаешься навеки запечатать в бутылку памяти все, на чем больше уже никогда не задержится твой взгляд. И так хочется заплакать, закричать, хочется выразить любовь к этим утренним пепельным силуэтам (потому что ты никогда больше не увидишь их при свете дня), к себе самому, наконец. Но если ты заплачешь, все будет испорчено, поэтому ты во что бы то ни стало должен держать себя в руках.

Праведный Боже, как же мудро Ты устроил жизнь, если Седрисиласси встречали его убитые бомбой внуки с надувными шариками в руках, и ему было позволено выбрать, как он хочет проводить время, и Седрисиласси снова ездил на верблюде, и пас овец, и даже немного управлял своей любимой Нумидией. Как же правильно ты устроил жизнь!

P. S. Я узнал о его гибели не сразу, когда Луна уже прошла четверть пути по небесной сфере. Проникнувшись историей, начавшейся на рассвете обычного дня, я написал труд, который вы держите в руках. Он лег на бумагу, уместившись в обычной тетради. Да, я не смог защитить Седрисиласси, и за это не будет мне прощения ни на земле, ни на небе. Иногда я даже плачу, когда пересказываю кому-нибудь слова из его завещания: «Я передаю слова прощания моей семье, тем, кто верен Республике, и всем людям, поддерживающим меня — хотя бы сердцем». Наверно, только я один знаю, что эти слова имеют отношение и ко мне лично. Вернее, только ко мне и никому более. Эта простая мысль нравится мне, мне больше не грустно...